Book No 309.
..s D. Club. of Boston

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

Русскій отдѣлъ Соц. Партіи No. 2
Russian Branch
Socialist Party
No. 2
г. Бостона

НАДЕЖДА САНЖАРЬ.

ЗАПИСКИ АННЫ

1910.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АНТЕЙ" С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

XP 3536

Типографія Б. М. Вольфа, Спб. Невскій, 126

Выпуская въ свѣтъ „Записки Анны“, мы не сомнѣваемся въ томъ, что ихъ будутъ читать безъ всякихъ предисловій,—пусть-же эти строки будутъ для того, кто ихъ прочтетъ, скорѣе *послѣсловіемъ*.

Мы позволяемъ себѣ думать, что „Записки Анны“ получатъ вполнѣ правильную оцѣнку только въ томъ случаѣ, если взглянуть на нихъ какъ на „человѣческій документъ“ независимо отъ чисто-художественной критики, и мы надѣемся дать возможность читателю ближе подойти къ вещи съ этой стороны указаніемъ на родство автора съ Анной—героиней повѣсти.

Анна пишетъ: „Единственное, что я дѣлаю, не размышляя, повинуясь чьей-то волѣ—это кричу, кричу о пережитомъ... Мнѣ надо выкричаться или *накипѣвшее можетъ меня задушить*“.

Итакъ, Анна кричитъ ради инстинкта самосохраненія, — зачѣмъ же ея крикомъ безпокоить людей? Но уже при первомъ

своемъ появленіи *) „Записки“ произвели на многихъ впечатлѣніе не одной безпокойной крикливости, и нельзя сказать, чтобы „Записки“ остались незамѣченными вообще. Напротивъ, повѣсть вызвала много толковъ и сужденій въ интеллигенціи, и провинціальная печать болѣе отзывчивая, чѣмъ столичная, на всякое *жизненное*, хотя и не злободневное явленіе въ литературѣ, единодушно отмѣтила яркій, искренній и своеобразный характеръ „Записокъ“. Дальнѣйшему распространенію интереса къ этой вещи, быть можетъ, помѣшало то, что журналъ переживалъ тогда извѣстнаго рода кризисъ, находился наканунѣ крушенія и, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, имъ мало интересовались вообще.

Прежде всего произвелъ впечатлѣніе въ повѣсти ярко выраженный, въ лицѣ Анны, „протестъ противъ власти плоти надъ духомъ“ и антисанинскій характеръ „Записокъ“ вообще. Такъ, неизвѣстный корреспондентъ пишетъ автору, что, прочитавъ „Записки“, намѣренъ произвести переоцѣнку своихъ взглядовъ на отношеніе къ женщи-

*) „Записки“ печатались въ «Образованіи» не въ полномъ видѣ и появляются теперь въ первый разъ безъ всякихъ сокращеній.

намъ, которыхъ онъ раздѣвалъ, по его соб ственному выраженію, мысленно всѣхъ, *по рецепту Санина*, вплоть до родной сестры включительно и т. д.

Но, по сраведливому замѣчанію Женск. Вѣстн., Анна въ этой повѣсти прежде всего женщина-человѣкъ, протестующій противъ уродливыхъ формъ жизни вообще. Ж. В. хвалитъ за это Анну, но не потому-ли, что онъ „женскій?“ Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ привѣтствіями по адресу автора одних, сказалось негодованіе другихъ, возмущенныхъ поведеніемъ героини повѣсти, ея „претензіями“, „дерзостью“ и т. д. Не будемъ спорить, но быть можетъ многое простилось-бы Аннѣ, если-бы она только кричала и жаловалась. Но... никому неизвѣстная, откуда-то появившаяся, дитя природы, если вѣрить въ ея искренность, и дочь народа, выражаясь аллегорически, а по паспорту *крестьянка* и къ тому-же дочь преступнаго отца и развратной матери—невѣжественная Анна не только по своему „учитъ“, но и зоветъ куда-то... учитъ и зоветъ не своего брата — недоучекъ, а лучшихъ представителей интеллигенціи, на манеръ „Вѣхъ“, да простится намъ это сравненіе.

Естественно, что нѣкоторые усмотрѣли

въ этомъ, если не дерзость, то по меньшей мѣрѣ „претенціозность“—и если это обвиненіе справедливо, то, разумѣется, его надо отнести не только на счетъ Анны, а также и на счетъ автора повѣсти. Вопросъ, „кто такая Анна, и на какомъ основаніи она хочетъ „учить“—звучитъ другими словами такъ: кто такая Надежда Санжарь?

Итакъ, авторъ „Записокъ Анны“ Надежда Санжарь, дочь государственнаго крестьянина г. Харькова и донской казачки,—самоучка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, самостоятельно проложившая себѣ путь въ жизни, съ самаго ранняго возраста, своими руками, и съумѣвшая шагъ за шагомъ подняться съ уличныхъ низовъ до верхнихъ ступеней интеллигенціи, не будучи обязанной никому поддержкой въ средѣ окружавшей ее до 27 лѣтъ, ни въ матерьяльномъ отношеніи, ни въ умственномъ и нравственномъ своемъ развитіи.

Пройдя всѣ мытарства *подневольной* службы—съ одинадцати лѣтъ въ булочной‘ а затѣмъ горничной, съ мытьемъ половъ, „по господамъ“ вообще и, наконецъ въ канцеляріи тюремной инспекціи въ Кіевѣ, Надежда Санжарь „появилась“ въ 1901 году въ Петербургѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, въ знакомой многимъ на-

деждѣ на пріисканіе занятій. Послѣднее, разумѣется, не давалось и, послѣ долгихъ скитаній по моднымъ мастерскимъ, загнанная нуждой въ Общежитіе Женскаго Рус. Вз. Благотворительнаго Общества и занимаясь здѣсь отдѣлкой куколъ, зпервые здѣсь же познакомилась болѣе или менѣе серьезно съ грамматикой, благодаря сердечному участію члена о-ва г-жи Д.

Такимъ образомъ Петербургъ повернулся къ ней сперва оборотной стороной, и только здѣсь Н. Санжарь могла начать разбираться въ матеріалѣ, „прописанномъ у нея буквально на бокахъ", выражаясь словами Анны въ ея „Запискахъ".

Первые литературные опыты — сказки Н. С. были встрѣчены болѣе чѣмъ сочувственно и охотно помѣщались на страницахъ дѣтскихъ журналовъ „Игрушечки", „Красныхъ Зорь", „Тропинки" и др.

Но стремленіе передать *все* добытое, передуманное и выстраданное на пройденномъ тернистомъ пути не могло вылиться въ однѣхъ сказкахъ, и началась упорная борьба, въ поискахъ формы, для выраженія мыслей, переживаній мятущейся души и предъявляемыхъ къ жизни требованій. Прежде всего, Н. Санжарь угрожала та опасность, о которой пишетъ Анна: накипѣвшее могло въ

самомъ дѣлѣ ее задушить, назрѣла необходимость кричать не въ подушку, а такъ, чтобы ее могли услышать, и такимъ образомъ вылился въ „Запискахъ Анны" крикъ, правда измученной, но большой и красивой „мятущейся" души. Инстинктъ подсказалъ Аннѣ, что на широкій путь прекраснаго художественнаго творчества ей суждено выйти, только переступивъ черезъ всѣ муки своихъ субъективныхъ переживаній.

Кто прочтетъ эти строки, пусть попробуетъ мысленно хоть на минуту представить себѣ *весь* путь, пройденный Анной-писательницей не въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ въ повѣсти, гдѣ вымыселъ переплетается съ дѣйствительностью, а какъ это подсказывается самой жизнью, и если съ этой стороны читатель ближе подойдетъ къ повѣсти, быть можетъ станетъ болѣе понятнымъ и все „отрицательное" въ запискахъ, вѣрнѣе болѣзненное и въ извѣстной степени одностороннее.

И не только многое станетъ понятнымъ и получитъ другое освѣщеніе, но возникнетъ, быть можетъ, вопросъ: не есть-ли своего рода *девизъ* эта отрицательная сторона „Записокъ", какъ, напримѣръ, проявляемая иногда Анной безсознательная жестокость. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ-ли ее одобрить или

нѣтъ, но вспоминается недавно высказанное г. Розановымъ мнѣніе, что правами женщинъ можетъ быть потому до сихъ поръ пренебрегали, что въ отстаиваньи ихъ было мало *жестокости*...

Приведенное выше признаніе „одного изъ многихъ" свидѣтельствуетъ о томъ, что „Записки" явились своего рода „бичемъ", причинившимъ нѣкоторымъ почти физическое страданіе. Возвращаясь къ приведенному выше опредѣленію Анны въ Женск. Вѣстн., нельзя не замѣтить, что и „антисанинскій" характеръ „Записокъ" и протестъ Анны противъ уродливыхъ формъ жизни вообще приводятъ на память также высказанное Чеховымъ мнѣніе о *наростающемъ* во всѣхъ слояхъ народа сознаніи и о томъ, что *„нравственные вопросы пріобрѣтаютъ все болѣе безпокойный характеръ"*. Думается, что въ „Запискахъ Анны" находится яркое подтвержденіе этой мысли и вѣры покойнаго писателя въ *незамѣтную*, но гдѣ-то въ этомъ смыслѣ и направленіи „творящую" личность.

Этотъ именно безпокойный характеръ идейныхъ и нравственныхъ исканій, повидимому, мѣшалъ до сихъ поръ начинавшей писательницѣ выйти изъ области личныхъ переживаній, и въ качествѣ „послушницы"

вступаетъ на литературный путь Надежда Санжарь.

Но тѣмъ не менѣе мы видимъ, что „Записки" Анны кое-кому уже пригодились, съ ней такъ или иначе уже считаются, пусть-же ея крикъ услышатъ и другіе.

Изд.

Всѣмъ моимъ существомъ чувствую, что теперь, т. е. со вчерашняго дня, я живу и буду до конца моихъ дней жить только такъ.

Что же произошло вчера? Какъ странно въ нашей жизни: живешь, живешь—и вдругъ толчекъ, и смотришь,—все перевернулось вверхъ ногами.

Нѣчто подобное случилось и со мной.

Дѣло было такъ. Шли мы съ обрыва новой дорогой. Петровъ увѣрялъ, что она короче и живописнѣй. Такъ и оказалось: очаровательные виды,—въ особенности, прудъ, весь заросшій водяными лиліями удивительно красиво. Идемъ Дѣти, Петровъ,

скачущій Джекъ впереди, потомъ Нина Петровна съ гостями и, замыкая шествіе, плелась я. Послѣднее время мнѣ какъ-то особенно было тоскливо и одиноко: я буквально не находила себѣ мѣста.

Вотъ показалась вдали бѣлая ограда нашей усадьбы.

Вдругъ меня точно ударило въ голову: ароматъ чего-то чрезвычайно близкаго пахнулъ въ лицо. Не довѣряя себѣ, я глубоко втянула воздухъ, вздрогнула и внѣ себя закричала:

Запахъ желтаго шиповника! Шиповникъ, понимаете, это желтый шиповникъ!

Что-то прорвалось во мнѣ, куда дѣлась моя удивительная выдержка: я забыла, чего мнѣ, какъ боннѣ, можно, чего нельзя.

Мгновенно я опередила всѣхъ и, какъ породистая собака, вся трепеща, жадно внюхиваясь въ воздухъ, ринулась дальше.

Обоняніе не обмануло меня, я нашла нѣ-

сколько кустовъ цвѣтущаго, яркаго желтаго шиповника.

Я обезумѣла, забыла все на свѣтѣ. Не чувствуя, что шипы царапаютъ мнѣ лицо, руки, я бросалась отъ куста къ кусту, обнимала ихъ, цѣловала, разговаривала:

— Мой родной, любимый мой шиповникъ! Господи, какъ давно не видала тебя, четырнадцать, нѣтъ, шестнадцать лѣтъ. Какъ много лѣтъ. Я не забыла васъ, золотистые цвѣточки, никогда, никогда не забуду. Какъ хорошо вы пахнете, какъ много напоминаете... Снова предо мной воскресло все... Я опять маленькая... Дѣдушка, ты здѣсь, опять со мной? Ты, правда, не умеръ,— сердце мое никогда не признавало твоей смерти. Дѣдушка, ты не можешь умереть. Да, да, въ запахѣ шиповника носится твоя душа, въ желтыхъ цвѣтахъ мелькаетъ твое золотое сердце. Ты живъ, живъ! Дѣдушка! шиповникъ! Какъ я счастлива!

Я перецѣловала на кустахъ всѣ цвѣточки. Предо мной воскресли сцены дѣтства, я ясно видѣла сѣдую голову моего давно умершаго дѣда. Я говорила, я стонала отъ счастья, смѣялась и плакала.

Зрѣлище, должно быть, получилось дикое. Никто ничего не понималъ. Дѣти сначала испугались, а потомъ, въ компаніи съ бѣшено лающимъ Джекомъ, хлопая въ ладоши, запрыгали вокругъ меня.

А я была пьяная отъ счастья.

* * *

Цѣлый день они приставали ко мнѣ съ распросами. А Нина Петровна испуганно и въ тоже время подозрительно всматривалась въ меня.

— Странно, отчего вы не разскажете мнѣ, въ чемъ дѣло? До сихъ поръ вы взволнованы, не можете прійти въ себя. Меня ваше состояніе начинаетъ безпокоить.

Я посмотрѣла на нее, точно вижу ее впервые.

— Я безпокою васъ?

— Очень,—мнѣ непонятенъ вашъ припадокъ истеріи.

Тутъ я къ моему великому изумленію заговорила съ ней такъ, какъ съ практической точки зрѣнія, можетъ быть, не слѣдовало.

— Видите, дорогая Нина Петровна, въ чемъ дѣло. Этотъ шиповникъ оставилъ во мнѣ неизгладимые слѣды. Я не могу его видѣть равнодушно. У меня была трудная жизнь, но я, право, не истеричка.

Поймите, шестнадцать лѣтъ я не видала желтаго шиповника. Обрадовалась страшно...

Въ томъ городѣ, гдѣ я родилась, и протекало мое раннее дѣтство, на окраинѣ стоитъ мрачная-премрачная тюрьма, тамъ ее называютъ замкомъ. Подлѣ тюрьмы разрослись кусты желтаго шиповника. Когда

онъ цвѣлъ, мы съ дѣдушкой рвали, носили его отцу, а также и домой...

— А гдѣ былъ вашъ отецъ?

— Видите, въ этомъ замкѣ мрачно, грязно. Цвѣты приносятъ съ собою радость, запахъ воли.

— Такъ вашъ отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ?

— Да.

— Онъ былъ политическій?

— О, нѣтъ! Мой отецъ навѣрно, не зналъ, что это слово значитъ. Это было давно, онъ былъ простой, полуграмотный человѣкъ.

— Значитъ уголовный?

— Кажется.

Тутъ дѣти помѣшали распросамъ. Удивительно у меня развязался языкъ; говорю о томъ, чего никогда никому не говорила.

Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждала окончанія дня. Вотъ дѣти въ постеляхъ, я свободна и что есть духу несусь къ шиповнику.

Боже мой, какъ онъ меня опьяняетъ.

Закрываю глаза, нюхаю его странный, рѣзкій ароматъ, такъ непохожій на ароматъ бѣлаго и розоваго шиповника, и забываюсь, переношусь назадъ къ прошлому...

Дѣдушка, ты опять со мной? Опять склонилъ свою сѣдую голову и плачешь.

Не надо, я развеселю тебя.

Помнишь, какъ ты украдкой вбилъ гвоздь въ потолокъ и, когда я спала, вѣшалъ, на длинной ниткѣ красные яблоки, бублики, прянишные коники, леденцовые пѣтушки.

Господи, какъ все это было вкусно.

Проснешься утромъ, а надъ головой что-нибудь виситъ и качается. Помнишь мою радость? До сихъ поръ не могу твоихъ пѣтушковъ, яблокъ, кониковъ забыть...

Дѣдушка, какой ты хорошій, добрый, ласковый.

Послѣ тебя никто не гладилъ такъ хорошо мою голову.

Много рукъ тянулось ко мнѣ, всякихъ

рукъ; но онѣ меня всѣ дѣлали злой, гадкой, отъ ихъ ласкъ хотѣлось кричать, кусаться, разбить себѣ голову...

Зачѣмъ ты ушелъ отъ насъ?

Ты видѣлъ оттуда, какъ люди доканали мать? Видѣлъ, что они сдѣлали изъ твоей слабой, несчастной дочери? Не сердись, я ей все простила,—прости и ты. Она не виновата, что ты ей не далъ своихъ силъ и сердца,—о, мнѣ такъ хочется быть похожей на тебя...

Дѣдушка, ты такъ давно ушелъ — куда? Они говорили, что ты умеръ; водили меня на бугорокъ, куда тебя зарыли. А я не вѣрила, не вѣрю. Ты не умеръ, ты живъ.

Когда я вижу небо, что-то во мнѣ кричитъ: ты живъ.

Теплота, свѣтъ солнца подтверждаютъ мнѣ: ты живъ.

Вѣтеръ, ласкающій цвѣты, сгибающій верхушки деревьевъ, говоритъ: ты живъ.

Когда я слышу смѣхъ ребенка, пѣсни птицъ, жужжанье пчелъ и мошекъ—мнѣ кажется тогда: ты живъ. Когда природа раскрываетъ предо мною всю красоту свою, премудрость и величіе—все, все во мнѣ кричитъ: ты живъ! Тебѣ нѣтъ смерти!

Дѣдушка, какъ я люблю тебя!

...Господи, что дѣлаютъ со мной эти яркіе, пахучіе цвѣты!

* * *

Сердце, куда меня ведешь? Тише, тише. Не бейся такъ сильно, такъ больно: ты свободно, все равно куда бы мы ни зашли съ тобой.

Тише, теперь будемъ писать.

Всѣ пошли на прудъ, а я сидѣла на крыльцѣ веранды. Темное, южное небо съ яркими звѣздами всегда настраивало меня къ мечтамъ.

А тутъ еще желтый шиповникъ.

Я задумалась. Вдругъ смѣхъ.

— А, вотъ она сидитъ, мечтаетъ. Въ рукахъ таинственный, желтый шиповникъ. Ха, ха, ха, въ этомъ шиповникѣ что-то мистическое; ей-Богу, онъ на меня тоже какъ-то дѣйствуетъ.

— Ха, ха, ха, и на меня!

— И на меня!

— И на меня!

Они всѣ кричали, смѣялись.

Потомъ пристали, чтобы я имъ разсказала что-нибудь о себѣ.

— Разскажите, — вы, право, прелюбопытная.

Подошла Нина Петровна.

Послѣднее время она какъ-то особенно присматривается ко всему, что я дѣлаю. Кажется, она за мной шпіонитъ,—очень непріятно.

Нина Петровна сѣла подлѣ меня, обняла меня и сказала.

— Разскажите намъ, Анна Сергѣевна, что-нибудь о вашемъ дѣтствѣ.

У меня сорвалось:

— Дѣтствѣ! У меня не было дѣтства.

— Вотъ-те на! — заоралъ Петровъ. У каждаго, даже перевалившаго за двадцать лѣтъ человѣка, неизбѣжно въ свое время было дѣтство.

— Да, пожалуй, вы правы: у меня кое-что въ этомъ родѣ было.

— Вотъ видите,—встрепенулась Нина Петровна,—разскажите, какое у васъ самое яркое воспоминаніе дѣтства.

— Просимъ, просимъ, разскажите.

Они дѣйствительно стали просить и, въ ожиданіи, красивой группой расположились на широкомъ крыльцѣ живописнаго, барскаго дома.

Что на меня нашло?

Глядя на ихъ выхоленныя тѣла въ англійскихъ костюмахъ, вычурныхъ прическахъ и

дорогихъ кружевныхъ платьяхъ, мнѣ вдругъ захотѣлось врѣзаться въ эту изящную, безпечную, очень легкомысленную кучку людей, съ моимъ некрасивымъ, грубымъ, страшнымъ дѣтствомъ.

Память услужливо и ярко напомнила одну незабвенную картинку, и я съ какимъ-то острымъ, чуть не злораднымъ чувствомъ имъ ее преподнесла.

— Хорошо, я разскажу вамъ самое яркое воспоминаніе моего дѣтства.

Ничего не утаю, разскажу все, какъ было.

Для полноты картины нѣсколько распространюсь.

Мнѣ было тогда лѣтъ шесть. Дѣла моихъ родителей обстояли такъ: отецъ за нехорошія дѣла сидѣлъ въ тюрьмѣ, а мать— нужда, горе и добрые люди превратили ее въ фурію; она, конечно, была и проститутка...

Нина Петровна отъ этого моего вступленія замѣтно растерялась.

— Что вы говорите? Вы неоднократно говорили, что у васъ былъ удивительный дѣдушка.

— Какъ-же, имѣлся. Только отъ него въ ту пору остался на кладбищѣ полуразрушенный бугорокъ: говорятъ, онъ умеръ. Такъ вотъ, беря во вниманіе все сказанное, о радостяхъ дѣтства я имѣла очень смутное представленіе: тьма, нищета, пьянство, развратъ—вотъ, что наполняло мое дѣтство.

Нехорошо мы жили. Въ крошечной, темной хибаркѣ столъ, двѣ скамейки, да широкая, убогая, такъ называемая, семейная кровать, занимавшая большую половину нашего жилища, составляли всю нашу обстановку.

Словомъ, бѣднота была самая настоящая, тѣснота отчаянная, мать затравленная, пьяная и очень любила драться.

Когда же кто приходилъ къ намъ, я, въ виду тѣсноты, мгновенно забиралась на кро-

вать—тамъ у меня былъ свой уголокъ, съ маленькой подушкой, набитой чѣмъ-то очень твердымъ, со старымъ платкомъ вмѣсто одѣяла,—и оттуда, пытливо, со страхомъ и часто въ слезахъ я наблюдала жизнь.

Инстинкты самосохраненія и впроголодь жизнь не по лѣтамъ развили во мнѣ пытливость: я жадно хотѣла знать. За это моя темная озвѣрѣлая мать меня не любила и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ охотно угощала меня кулаками.

Днемъ мать уходила на поденную работу, вечеромъ-же, обыкновенно приходили гости и, немедленно, пропивали заработки.

Иногда у матери появлялись новыя платья, башмаки, золотыя вещи—она была молодая и красивая,—только все это держалось у насъ недолго: при первомъ случаѣ продавалось и пропивалось.

Не думайте, что моя мать не могла быть иной, хорошей, чуткой, добродѣтельной. По-

жалуй, могла бы, только она своего горя, темперамента, да соціальнаго положенія не смогла одолѣть—и озвѣрѣла.

Это бываетъ. При такихъ условіяхъ, предъ моими пытливыми, дѣтски-наивными глазами, проносились картины, о которыхъ лучше не вспоминать, да еще къ ночи.

Объ одной, какъ обѣщала, разскажу.

Какъ-то вечеромъ у матери былъ въ гостяхъ молодой, очень красивый солдатъ. Давно мнѣ надо было спать, но у нихъ было удивительно весело; они оба такъ заразительно смѣялись; такъ смѣшно, пьяными голосами выводили пѣсни, и я, укрывшись, по обыкновенію съ головой, продѣлала изъ-подъ платка дырочку и наблюдала.

Я любила не только наблюдать, но пыталась также и разсуждать.

Иногда я посмѣивалась въ подушку.

— Вотъ смѣшные, Господи, какіе смѣш-

ные. А мамка-то, мамка... И чего она сидитъ на колѣняхъ у этого дяденьки—развѣ она маленькая?

Я ломала голову, стараясь растолковать себѣ многiе вопросы.

Но вотъ мои размышленiя были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Солдатъ вдругъ схватилъ хохочущую мать, бросилъ на кровать и, по моему тогдашнему разумѣнiю, началъ душить ее.

У меня похолодѣло сердце.

Я вся дрожала—о, я хорошо знала, какъ больно, когда обижаютъ.

Не любила я матери, боялась ее.

А тутъ забыла все: мое маленькое сердечко закипѣло жалостью къ матери и гнѣвомъ къ ея обидчику.

Я вскочила и, громко плача, какъ звѣренышъ, вцѣпилась въ солдата, царапаясь и стараясь оттянуть его отъ матери.

Я кричала:

— Брось мамку, не обижай, брось...

Въ ярости я выкрикивала ругательства и угрозы, слышанныя мною отъ взрослыхъ.

— Брось, сукинъ сынъ, брось мамку. А не то я убью, размозжу твою рожу. У, дьяволъ! Анафема! Чертова перечница! Брось, стерва, говорю тебѣ!

Я была внѣ себя.

А дальше, точно сквозь сонъ, помню полное ненависти, искаженное, пьяное лицо матери; сильный ударъ ея кулака отбросилъ меня въ сторону, въ глазахъ сначала потемнѣло, потомъ засверкали искры, и я упала, заливаясь кровью изъ разбитаго носа.

Забившись въ уголъ, дрожа отъ боли и обиды, я горько плакала, не понимая, за что меня побили.

А мать и солдатъ хохотали, какъ сумасшедшіе,—такъ я и уснула подъ звуки ихъ пьянаго хохота.

Вотъ вамъ самое яркое воспоминанiе моего дѣтства.

Отчеканивъ имъ это просто, спокойно, какимъ-то страннымъ, намѣренно грубымъ языкомъ, я поднялась и, не глядя на нихъ, прошла въ глубину парка.

Было грустно, мучительно хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пошелъ за мной, сказалъ мнѣ хоть одно теплое, искреннее слово. А то и совсѣмъ ничего не говорилъ бы только бы пошелъ.

Нѣтъ, они всѣ были слишкомъ шокированы грубостью моего разсказа, обезпокоены, раздражены и только.

Ахъ, сумасшедшая Анна, ну зачѣмъ, зачѣмъ ты имъ это говорила?

* * *

Моя болтливость начинаетъ не на шутку меня безпокоить: опять наговорила имъ о себѣ, чего не слѣдовало.

Что за чортъ, неужели я ищу ихъ сострадания? Какая нелѣпость, совершенно не отвѣчающая моей гордой натурѣ. Нѣтъ, тутъ что-то другое...

А что? что?

* * *

Теперь я знаю, что. У меня на сердцѣ много накипѣло, оно бунтуетъ, требуетъ воли—мнѣ надоѣло кричать въ подушку—вотъ и все.

* * *

Какъ грустно: они не понимаютъ моихъ криковъ, совсѣмъ не понимаютъ.

Перепугались.

Нашли, что у меня очень сложная, больная натура.

Нина Петровна, впрочемъ, плакала, говоря, какъ ей тяжело со мною разставаться.

Откуда-то появилась бонна-нѣмка. Утромъ

въ гостиной было экстренное совѣщаніе,— когда я вошла, замолчали.

Подходя слышала, трактовали о „наслѣдственной преступности“, „истеріи“, о вліяніи истерички на дѣтей и тому подобное.

Итакъ, паспортъ въ руки, за два мѣсяца жалованье впередъ и прощайте.

Я оказалась странной, неудобной... Безнаказанно нельзя давать волю сердцу,—понимаемъ.

Какъ мнѣ ни непріятно все это, какъ ни грустно разставаться съ дѣтьми, но я не могу больше молчать,—пусть будетъ, что будетъ.

Написала Ширецкимъ—у нихъ много знакомыхъ. Утромъ ѣду въ Кіевъ. За мѣстомъ остановки не будетъ.

* * *

Какое счастье! Подумайте, у меня въ ком-

натѣ кустъ желтаго шиповника, бутоновъ масса, долго будетъ цвѣсти.

Событія послѣднихъ дней отодвинули отъ меня шиповникъ.

Когда поставили на бричку мои вещи, и попрощавщись, я поѣхала грустная-пре-грустная—дѣтей было жалко, столько съ ними возилась, а они опять испортятъ всю мою работу: эта нѣмка такъ же способна воспитывать дѣтей, какъ я, напримѣръ, быть китайскимъ мандариномъ—вотъ тутъ-то я вспомнила о шиповникѣ.

Попросила Василія повернуть къ полянѣ, чтобы на прощанье нарвать дорогихъ цвѣтовъ. Давясь отъ слезъ, наломала нѣсколько вѣтокъ...

Вдругъ меня осѣнила мысль: выкопать небольшой кустъ и увезти съ собой.

Мгновенно освободила изъ-подъ шляпы круглую деревянную коробку, у Василія нашлась желѣзка съ острымъ наконечникомъ;

осторожно окопали кустъ—я работала, то остріемъ зонтика, то просто руками,—и, царапая лицо, торжественно, въ четыре руки, перенесли его вмѣстѣ съ землей въ коробку.

Я обезумѣла отъ радости, чуть-чуть не поцѣловала у Василія руку, и, опомнившись, сунула ему такую крупную монету, что онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на меня, думая, что я окончательно рехнулась.

Всю дорогу носилась съ кустикомъ, точно онъ мое родное дитя. Пріѣхавъ въ Кіевъ, купила кадочку, пересадила въ нее кустъ, и пыльная, грязная комната, гдѣ я поселилась, въ ожиданіи мѣста, казалась мнѣ роскошной, прекрасной, чистой.

Я всѣмъ, всѣмъ восхищаюсь,—такъ настраиваютъ меня яркіе, пахучіе цвѣты шиповника.

* * *

Странная я, восхищаюсь, плачу отъ уми-

ленія надъ тѣмъ, на что другіе и вниманія не обращаютъ.

Меня все въ природѣ восхищаетъ, даже, лягушки.

Въ дѣтствѣ меня мальчишки прозвали „лягушиной маткой"—ахъ, я такъ любила лягушатъ!

У нашего квартирнаго хозяина былъ садъ и огородъ. Послѣ дождя, на дорожкахъ огорода, прыгало несмѣтное множество лягушатъ. Мальчишки ихъ постоянно били, я не могла этого видѣть,—очень мнѣ нравились эти прыгающія крошки, иная величиной немного больше крупной мухи.

Поймаю, бывало, такую попрыгунью съ наивной и пресмѣшной рожицей, посажу на ладонь и разсматриваю—больше всего меня въ ней восхищали лапки съ крошечными, нѣжными пальчиками. Эти лапки невыразимо меня трогали.

Не могу передать моего горя, когда я

увидѣла, что мальчишки со смѣхомъ и взапуски давятъ моихъ друзей ногами.

Я плакала, цѣловала имъ руки, умоляла не убивать лягушатъ. Моя слабость стала всѣмъ извѣстна; мальчишки меня дразнили лягушатами, эксплоатировали мою слабость на всѣ лады.

Какъ что, сейчасъ угроза: „Пойду давить твоихъ лягушатъ“.

И я все отдавала, на все была согласна.

Привязанность моя къ лягушатамъ была такъ велика, что я, будучи сама еще ребенкомъ. вскакивала утромъ, чуть свѣтъ, и почти сонная бѣжала въ садъ, въ подолъ платья торопливо собирала моихъ любимцевъ, относила далеко въ траву и тамъ выбрасывала, умоляя ихъ забыть о дорожкахъ.

Тревогой о лягушатахъ была наполнена лѣтомъ моя жизнь.

Какъ-то утромъ я только успѣла отпра-

вить въ траву первый транспортъ лягушатъ и нагружала второй, ко мнѣ подошелъ старикъ-сторожъ—я замѣтила, онъ давно на меня посматривалъ издали,—и спрашиваетъ:

— Что ты, Анютка, дѣлаешь?

Не отрываясь отъ работы, я разсказала старику мою трагедію.

Онъ постоялъ, посмотрѣлъ, какъ я ловко ловлю лягушатъ, покачалъ, покачалъ головой и сказалъ:

— Ну и чудная же ты, дѣвочка, вотъ чудная.

Онъ точно окрестилъ меня, потомъ въ жизни меня часто и многіе называли чудной.

Пожалуй, они правы, — я дѣйствительно очень странная.

* * *

На Крещатикѣ столкнулась съ докторомъ Нестеренко. Разговорились. Оказывается въ семьѣ его кузины, къ пятилѣтней дѣвочкѣ

ищутъ бонну. Живутъ въ Бояркѣ. Обѣщалъ устроить.

* * *

Сегодня былъ у меня господинъ очень пріятной наружности. Поговорили. Завтра ѣду. Дѣвочку зовутъ Зиной.

Папенька отрекомендовался присяжнымъ повѣреннымъ Соль. Восхищался шиповникомъ, — пришлось отрѣзать ему вѣточку.

* * *

Господи, какъ скучно! Вездѣ одно и тоже, приходится начинать не съ ребенка, который въ сущности не дурной, а съ маменьки, бабушки, тети и прочихъ родственниковъ.

Забросали несчастную дѣвочку всякими игрушками, тряпками и считаютъ своей обязанностью на всѣ лады портить ей нервы и характеръ.

Это не любовь, а настоящее издѣватель-

ство: вырядили дѣвочку, точно куклу, и слѣдятъ, чтобы она не дѣлала того, что ей естественно хочется.

Вотъ сумасшедшіе!

Чѣмъ больше присматриваюсь къ нашей жизни, тѣмъ болѣе меня поражаетъ нелѣпость, въ которой люди копошатся.

Кажется, скоро закачу сраженіе хозяевамъ здѣшняго дома: надо въ самомъ дѣлѣ вступиться за крошку Зину.

* *
*

Ура, отвоевала Зину! При всей честной компаніи выпалила:

— Господа, побойтесь Бога, нельзя всѣмъ, такъ сказать, базаромъ воспитывать ребенка. У каждаго изъ васъ разные вкусы и понятія, и вы со всѣмъ этимъ насѣли на бѣдную дѣвочку. Пощадите, васъ много, а она одна. Вы издѣваетесь надъ природой и натурой ребенка,—это возмутительно! Существуютъ

общества покровительства животныхъ, а несчастные дѣти людей даже этого лишены. За что вы ихъ калѣчите?

Они всѣ опѣшили. Бабушка первая нашлась.

— Вы, кажется, Анна Сергѣевна, съ ума сошли? Не за свое беретесь,—не забывайте ваше мѣсто.

Тутъ я имъ закатила великолѣпный монологъ, разсказала, что они изъ своихъ дѣтей дѣлаютъ,—матеріала-то у меня за мою практику бонны довольно накопилось,— поставила условіемъ или установить иную систему воспитанія, довѣрить мнѣ ребенка, или я ухожу, такъ какъ совершенно не намѣрена принимать участіе въ ихъ преступленіи.

Поднялся споръ. Мнѣнія раздѣлились, отецъ и мать Зины были на моей сторонѣ,— мнѣ только этого и надо было.

Теперь Зина отдана въ мои руки, а имъ

всѣмъ предложено контролировать и наблюдать.

Выбросила изъ дѣтской гору игрушекъ, на которыя Зинѣ разрѣшалось больше смотрѣть, такъ какъ они были очень дорогія и художественныя; кой-какія украшенія, въ особенности, нелѣпый каскадъ кисеи съ голубыми бантами также полетѣли вонъ — меньше будетъ пыли.

Бабушка на меня злится, тетя Оля, большая поклонница эстетики и всего изящнаго, также.

Ну, да ладно, пускай злятся.

* * *

Зину не узнать, совсѣмъ другой ребенокъ. Кружевныя платья, бѣлые башмаки мы совершенно вывели изъ употребленія и въ простыхъ платьяхъ, босикомъ, раздѣлываемъ великолѣпныя дѣла.

Сегодня устроили маленькій огородъ, съ

настоящими грядками и даже пугало поставили, точь въ точь, какъ у сосѣда огородника.

Зина въ восторгѣ и чуть не ежеминутно поливаетъ свой огородъ.

Гдѣ только возможно стараюсь вытѣснить изящный вкусъ и замѣнить его природой.

Не понимаю я людей, какъ могутъ они, точно въ театрѣ, любоваться природой, а не жить съ ней.

Часто люди среди красивой, широкой, живой природы, кажутся мнѣ куклами, пришедшими, какъ и принято у куколъ, по чужой волѣ въ гости.

Очень меня интересуетъ мать Зины—красивая женщина, только что-то странное, бѣгающее у нея въ глазахъ. Живутъ широко: у него хорошая практика, у нея богатая семья. А все вмѣстѣ...

Впрочемъ, лучше не говорить, что тво-

рится въ этой семьѣ: по моимъ наблюденіямъ она представляетъ точную копію очень, очень многихъ нашихъ, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ семей; съ виду хорошо, красиво, идейно, а до самой глубины лучше не докапывайся — одно сплошное свинство.

Не нравится мнѣ, какъ живутъ люди, не нравится. Ахъ, если-бы у меня была воля, силы, показала бы я тогда всѣмъ, какъ человѣку жить надо.

Завтра устрою Зинѣ маленькую трапецію, пускай кувыркается.

* * *

Все тоже, ничего новаго: ужасно шаблонно, неинтересно живутъ люди.

Жена вперемежку съ заботами, и очень поверхностными, о дочкѣ, мужѣ, „домѣ“ серьезно занята своимъ тѣломъ, нарядами для него и поклонниками. Мужъ видитъ, знаетъ и въ свою очередь не стѣсняется,—полная

свобода дѣйствій. Имъ это кажется красивымъ и, такъ сказать, передовымъ.

Блестящій адвокатъ продолжаетъ восхищаться моимъ шиповникомъ, — чуетъ моя душа, къ чему все это клонится. Впрочемъ, онъ трусливъ, и мнѣ не трудно будетъ осадить его.

Вотъ дядя Коля посерьезнѣй будетъ...

Фу, какіе они все-таки пошляки.

Грустно. противно. А тутъ еще мой золотистый шиповникъ отцвѣтаетъ.

* *
*

Настояла, чтобы и Зина купалась. Вначалѣ ей не нравилось, а теперь чуть не ежеминутно тянетъ меня на прудъ.

Идемъ сегодня изъ купальни, навстрѣчу дядя Коля; расшалившаяся Зина вдругъ выпалила.

— Дядя Коля, у моей Ани вотъ здѣсь на груди смѣшная,-пресмѣшная черная козявка.

Я хотѣла снять, а она вовсе не козявка, а родинка.

Дѣвочка залилась веселымъ смѣхомъ и, прыгая подлѣ меня, пытаясь разстегнуть мнѣ блузку, наивно просила.

— Аня, дорогая, покажи дядѣ Колѣ. Такая смѣшная козявка, покажи, пожалуйста. Очень прошу тебя.

Съ трудомъ удалось успокоить Зину, отъ смѣха перешедшую въ плачъ отъ моего отказа.

А дядя Коля,—фу, какая гадость! Какъ отвратительно заискрились его глаза.

Когда онъ смотритъ на меня, у меня такое ощущеніе, точно онъ раздѣваетъ меня.

Господи, какъ они всѣ одинаковы, какъ имъ не надоѣло это постоянное, гадкое, низкое отношеніе и къ своему и къ женскому тѣлу.

Опять у меня безсонница. Мысли стран-

ныя, необычайныя волнуютъ голову, душу, отрываютъ меня отъ обязанностей.

Это не хорошо.

* * *

Начинается! Еще-бы, скоро мѣсяцъ, какъ новая женщина мозолитъ глаза,—ну и не выдержали. И папенька и дяденька, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, докладываютъ мнѣ, что я не на своемъ мѣстѣ, что имъ грустно видѣть такую женщину въ неблагодарной, жалкой роли бонны.

— Вы, Анна Сергѣевна, для другого созданы.

И при этомъ тонкіе намеки.

Удивительно, сколько я видѣла всякихъ мужчинъ, и чуть не каждый начиналъ съ этого „не на своемъ мѣстѣ“ и „искренно готовъ служить“.

Меня все это начинаетъ не на шутку злить.

* * *

Зина прелюбопытная дѣвочка, очаровательная въ своей дѣтской прямотѣ и наивности.

Удивительно, какъ интересна, красива душа ребенка: дѣти — настоящіе цвѣты природы, въ нихъ, какъ и въ природѣ, виденъ Богъ.

Чѣмъ больше постигаю красоту, мудрость природы, тѣмъ болѣе меня ужасаютъ понятія, идеалы, жизнь людей. Точно они задались цѣлью всякими средствами, правдами и неправдами, изгнать, оплевать, убить въ себѣ Бога, стать ниже звѣря.

* * *

Что на меня нашло?

Предо мной сидѣлъ пошлякъ, развратникъ, звѣрь. Онъ говорилъ слова, въ которыхъ искусно скрывалась гнусность. Онъ весь дрожалъ отъ гадкаго, ненасытнаго въ своей разнузданности чувства. А я... о, мнѣ

такъ захотѣлось взять этого звѣря и поднять его къ небу.

Довѣрчиво я взяла его за руки.

— Николай Ильичъ, остановитесь. Мы съ вами въ другое время поговоримъ о половой жизни людей и прелести проституціи, которую вы мнѣ, прикрывъ красивыми, даже поэтичными словами, такъ горячо рекомендуете. Позвольте мнѣ разсказать вамъ немного о себѣ -- не думаю, чтобы васъ интересовало во мнѣ только тѣло.

Сейчасъ меня всю наполняетъ какое-то особенное чувство, позвольте съ вами имъ подѣлиться. Поднимите голову, посмотрите, какое надъ нами дивное небо; сколько тамъ звѣздъ и какія онѣ яркія, чистыя, живыя.

О, небо такъ много говоритъ душѣ. Каждому оно можетъ что-нибудь сказать. Только не всѣ его видятъ, не всѣ хотятъ понять. Мнѣ хочется разсказать вамъ о моемъ первомъ знакомствѣ съ небомъ.

Было мнѣ тогда лѣтъ тринадцать и служила я въ одной булочной продавщицей,— не удивляйтесь, начала я тамъ служить лѣтъ съ одиннадцати и за два года отлично научилась продавать булки.

О, въ то время я была совсѣмъ, какъ взрослая: нужда да горе рано учатъ самостоятельности—мои родители были очень бѣдные, несчастные люди.

Какъ сейчасъ вижу картину: залитый огнями магазинъ, суета торговли, у кассы стою я и, очень волнуясь, жду минуты, чтобы обратиться къ хозяину съ просьбой взять меня на службу. Наконецъ, выждала, сказала.

Пытливымъ взглядомъ окинулъ онъ меня съ ногъ до головы и улыбнулся.

— Куда тебѣ служить? Ишь, ты какая щуплая, да маленькая.

А я въ отвѣтъ:

— Ничего, хозяинъ, выросту. Возьмите

пока безплатно. Посмотрите: не сгожусь, тогда прогоните.

Ему понравился мой отвѣтъ. Онъ разсмѣялся.

— Ну, говоритъ, коли обѣщаешь вырости, пожалуй, приходи.

Вотъ я, Николай Ильичъ, и начала служить въ булочной. Три года прослужила. Дѣла тамъ обстояли такъ. Хозяинъ булочной нанималъ только красивыхъ дѣвушекъ, платилъ гроши, но за то предоставлялъ полную свободу въ общенiи съ посѣтителями. При магазинѣ имѣлся залъ, а въ немъ можно было выпить молока, шоколаду, покушать вкусныхъ печенiй и поухаживать за приглянувшейся продавщицей.

И, надо сказать правду, развращали, калѣчили дѣвушекъ господа посѣтители немилосердно. А хозяинъ чуть замѣтитъ, у какой, болѣе чѣмъ слѣдуетъ, пополнѣлъ станъ— сейчасъ же выбрасывалъ ее на улицу.

Хорошо, если ей было куда итти. А нѣтъ... ну и топились, вѣшались, наводняли панель проститутками.

Славныя дѣла тамъ раздѣлывались. Многому я тамъ научилась, и какимъ только драмамъ не была свидѣтельницей.

Но вотъ и для меня пришла страдная пора. Я выравнялась, поправилась; у меня была длинная, пушистая коса, миловидная рожица—меня замѣтили знатоки.

Знала я хорошо, что меня ждетъ, чего ихъ вниманіе стоитъ, и защищалась отчаянно. А тутъ еще и хозяинъ при встрѣчахъ въ темномъ коридорѣ сталъ такъ обидно щипать...

Вотъ вы, кажется, вздрогнули,—я не знала, что вы такой нервный. Теперь попробуйте представить въ своемъ воображеніи хоть приблизительно прелесть подобнаго существованія.

Дома, у родителей, нищета, ужасъ, за-

ливаемый водкой, а тутъ со всѣхъ сторонъ сулятъ, чуть не силой навязываютъ счастье, независимость, „теплоту отношенiй", и все это только однимъ неизмѣннымъ путемъ: путемъ разврата.

Надо много силъ, чтобы отстоять себя отъ этого счастья. Сижу, бывало, ночью на кровати, всѣ спятъ, а я мечусь. Душно, тяжко. Наша комната съ шестью кроватями примыкала къ кухнѣ: тѣснота, грязь, жара невыносимыя. А на потолкѣ и въ углу стѣнъ копошится несмѣтное множество таракановъ; они срываются и ползаютъ по спящимъ дѣвушкамъ.

Эта копошащаяся, срывающаяся таранья масса приводила меня въ отчаянье.

А тутъ думы всякiя.

Иной разъ такъ и просидишь до утра, не смыкая глазъ. Скверная вещь безсонница, а я вотъ ее благословляю: рано она начала меня посѣщать, помогала разбираться, многому научила.

Однажды ночью мнѣ особенно было тяжело. Казалось. не отбиться мнѣ. что жизнь и люди одолѣютъ меня. Я металась на кровати, шепча:

— Не давайся. защищайся, царапайся, кусайся. А не то они затравятъ, замучаютъ. убьютъ.

Мои заплаканные. обезумѣвшіе глаза блуждаютъ по грязнымъ стѣнамъ комнаты, по храпящимъ и стонущимъ во снѣ дѣвушкамъ. И казалось мнѣ. что я пропала, задыхаюсь, тону, и никогда не хватитъ у меня силъ выкарабкаться изъ ямы, куда меня загоняли жизнь и люди.

Я задыхалась. И не къ кому было протянуть рукъ: отъ моихъ окончательно опустившихся родителей я не могла ждать никакой поддержки. Вся надежда была на свои собственныя силы. а онѣ у меня были не велики.

Тогда мнѣ впервые пришло въ голову:

лучше умереть. Все равно они меня замучаютъ—лучше самой.

Я металась, какъ въ агоніи.

Вдругъ сквозь щель занавѣски мнѣ бросилась въ глаза странная, необычайная для нашей комнаты, яркая полоска свѣта.

Что-то толкнуло меня. Не отдавая себѣ отчета, съ какой-то надеждой и жаднымъ любопытствомъ я подошла къ окну, откинула занавѣску и остолбѣнѣла.

Николай Ильичъ, поймите: я впервые увидала небо. И какое небо! Большое, красивое, безконечно-доброе, съ яркими трепещущими звѣздочками. Все было залито луннымъ свѣтомъ: и старыя постройки, и грязный дворъ, и чахлыя деревья — все преобразилось, выглядѣло сказочно-прекраснымъ.

Я не узнавала нашего двора. Я не знала, что такая красота на свѣтѣ существуетъ.

Голова моя была всегда уныло опущена,

я, какъ затравленный звѣрекъ, смотрѣла только изъ-подлобья, всю мою маленькую жизнь только дрожала, съ испугомъ озиралась, глаза мои всегда были уставлены въ землю, и неба я не замѣчала.

А увидя, не могла оторвать отъ него глазъ. Я вся дрожала отъ радости, затая дыханіе, тянулась къ небу, точно оно разсказывало мнѣ удивительную сказку.

Я была полна восторга, радости, счастья. И чудилось, звѣздочки кричали мнѣ:

— Не бойся, въ жизни не только тьма и ужасъ. Въ жизни есть и другое, хорошее, свѣтлое и великое. Не бойся, смѣло иди, борись и ты свое найдешь.

Долго я всматривалась, вслушивалась въ небо и точно вся переродилась, все, что меня угнетало, пугало, пригибало къ землѣ— ушло; казалось, у меня выросли крылья; я стала сильной, и жизнь, и люди больше не пугали меня.

Съ этихъ поръ жизнь моя круто измѣнилась.

Я страстно полюбила небо, тянулась къ нему, какъ цвѣты къ солнцу, какъ дитя къ матери; оно ободряло меня, лѣчилю раны, помогало въ борьбѣ, мудро учило и часто, часто утирало слезы.

Да, небо помогло мнѣ отстоять въ себѣ обликъ, душу человѣка.

Я такъ много смотрѣла на него, такъ горячо впитывала въ себя его красоту, доброту, премудрость, и кажется мнѣ иногда что въ моей душѣ частица неба, и я полна яркихъ трепещущихъ звѣздочекъ.

Когда я чувствую это, тогда вся становлюсь добрѣй и лучше. Тогда мнѣ хочется всѣ мои звѣздочки отдать людямъ, разбросать ихъ среди нашей жестокой, темной, некрасивой жизни.

Николай Ильичъ, ловите. Сегодня я добрая и щедрая, какъ само небо; ловите мои

звѣздочки, мнѣ искренно хочется вамъ ихъ дать. Дайте мнѣ ваши руки, вотъ такъ; смотрите мнѣ въ глаза; слушайте мои рѣчи и берите, берите мое небо; ловите его звѣздочки, — ихъ нѣтъ въ вашей душѣ, безъ нихъ вы звѣрь. А звѣремъ не хорошо, постыдно жить человѣку...

Слушайте, я разскажу вамъ сказку моего сердца...

Что на меня нашло? Я дѣйствительно разсказала ему все, чѣмъ живешь ты, мое странное сердце.

Тише, тише. Я начинаю понимать смыслъ твоихъ порывовъ.

* * *

Сердце мое, ты угадало: мы отравили звѣря въ человѣкѣ. Звѣрь мечется, ищетъ противоядья и съ каждымъ днемъ все больше и больше себя губитъ.

Въ бесѣдкѣ опять произошла схватка.

— Аня, я васъ не выпущу; вы должны быть моей женой.

Я расхохоталась ему въ лицо.

— Ой, Николай Ильичъ, не смѣшите.

Онъ поблѣднѣлъ и сразу осѣлъ.

— Не смѣйтесь больше, я понялъ—вы правы, Аня.

Мнѣ стало его жалко.

— Николай, подите сюда; я вамъ разскажу еще одну сказку.

Онъ долгимъ взглядомъ поблагодарилъ меня за „Николая", взялъ мою руку, откинулся, закрывъ глаза и сказалъ:

— Говорите, или вѣрнѣй добивайте...

Я окончила за него:

— Звѣря!

Онъ вдругъ вздрогнулъ и глухо прошепталъ:

— Я боюсь возненавидѣть васъ, Аня.

Я пропустила мимо ушей его замѣчаніе.

— Такъ вотъ, Николай, я хочу разсказать тебѣ одну удивительную сказку...

Онъ опять вздрогнулъ и широко открылъ глаза.

На его утомленномъ безсонницей лицѣ промелькнуло бѣшенство.

—Зачѣмъ вы меня бѣсите? Зачѣмъ это „ты"?

Я смотрѣла прямо ему въ лицо.

— Что тутъ такого особеннаго—мнѣ захотѣлось.

Онъ вскочилъ.

— А, захотѣлось! Отлично. Я тоже буду дѣлать, что мнѣ хочется.

Въ слѣдующее мгновеніе на меня посыпался градъ поцѣлуевъ.

Я не сопротивлялась и молчала.

Это его отрезвило.

— Простите, Аня, вы сами виноваты.

Я тоже поднялась.

— Вы что-же думаете, Николай Ильичъ, я останусь у васъ въ долгу?—Ошибаетесь.

Я обхватила его за шею и начала бѣшено метать поцѣлуи на его лицо.

Онъ растерянно отступилъ. Я за нимъ— и, точно машина, быстро, равномѣрно, звонко отчеканивала поцѣлуи.

Я буквально душила его поцѣлуями.

Наконецъ, онъ съ силой оттолкнулъ меня и, задыхаясь, упалъ въ кресло, говоря:

— Какъ вы умѣете все отравлять!

У меня болѣли губы. Вытирая ихъ, я увидѣла на платкѣ кровь. Онъ тоже замѣтилъ и съ порывомъ протянулъ мнѣ руку.

— Вотъ видите, что вы надѣлали.

Я тряхнула головой.

— Не бѣда. Если хотите, я и еще могу.

А руки у меня сильно дрожали.

Онъ замѣтилъ это.

— Аня, Аня, какой демонъ сидитъ въ васъ?

Я огрызнулась.

— И не одинъ, Николай Ильичъ, а нѣсколько. Это у меня наслѣдственное: моя матушка была женщина съ большимъ тем-

пераментомъ Разойдясь, я еще и не то могу сдѣлать. Да, вотъ, къ примѣру, вспомнился случай. Послушайте, что иногда можетъ надѣлать блузка съ прозрачными прошивками.

Я не дала ему опомниться и единымъ духомъ разсказала слѣдующее.

— Служила я тогда у однихъ важныхъ и богатыхъ людей – отецъ съ матерью очень бѣдствовали и, помогая имъ, я старалась мое время, силы и трудъ продавать по дороже. Съ перваго моего появленія въ этомъ домѣ глаза генерала Ш., родственника моихъ сановитыхъ хозяевъ, взглядомъ знатока осмотрѣли меня, и съ тѣхъ поръ при встрѣчахъ съ нимъ, краска бросалась мнѣ въ лицо—такъ выразительно, нагло взглядомъ онъ раздѣвалъ меня.

У васъ, дорогой мой, тоже есть эта милая привычка, только вамъ далеко до генерала Ш.

Терпѣть я его не могла, а ему это нравилось. Всѣми силами я старалась избѣгать его, но онъ былъ чертовски изобрѣтательный и умудрялся порядкомъ отравлять мнѣ жизнь.

Дѣлалъ же онъ это такъ чисто, аккуратно, что окружающимъ и въ голову не могло ничего прійти объ его настоящемъ образѣ мыслей и дѣйствій. Есть такіе типы.

Надоѣлъ онъ мнѣ—и сказать не могу какъ.

Одѣвалась я всегда очень скромно. Но однажды, въ злополучный для генерала вечеръ, моя хозяйка, въ виду большого съѣзда гостей, вырядила меня въ бѣлую шелковую блузку, отдѣланную прозрачными прошивками.

Какъ пришелъ генералъ, такъ и впился въ прошивки моей нарядной блузки. Весь вечеръ я чувствовала на себѣ его противный, пронизывающій взглядъ.

Чай конченъ. Всѣ пошли въ залъ, от-

куда уже неслась артистическая игра приглашенной извѣстной піанистки.

Я осталась въ опустѣвшей столовой, на случай, если-бы кто еще захотѣлъ чаю. Музыка убаюкала меня. Я задумалась и унеслась куда-то далеко, далеко.

Вдругъ мнѣ стало какъ-то не по себѣ, съ страннымъ безпокойствомъ я подняла голову; противъ меня, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ генералъ Ш. и, не отрываясь, смотрѣлъ въ прошивки моей блузки. Меня передернуло всю. Что-то во мнѣ закипѣло, подхватило меня и понесло.

Я подошла къ нему.

— Генералъ, вы мнѣ, наконецъ, надоѣли. Мнѣ опротивѣли ваши постоянныя раздѣванья меня глазами. Вамъ нравится мое тѣло? Вы хотите его знать? Извольте, я могу удовлетворить ваше любопытство.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ я стала разстегивать блузку.

Генералъ растерялся.

— Что вы дѣлаете, сюда могутъ войти.

А я въ отвѣтъ.

— Пусть, я разскажу имъ, что дѣлаю. Меня, навѣрно, сейчасъ выбросятъ за это на улицу. Пусть—вы довели меня до этого. Мнѣ очертѣло мое тѣло, къ которому чуть не съ пеленокъ тянутся со всѣхъ сторонъ руки, взгляды съ самымъ гадкимъ, подлымъ вожделѣніемъ. Я проклинаю мое тѣло женщины,—изъ-за него вы не замѣчаете, что у меня и другое есть, болѣе цѣнное... А! „другого“ вамъ не надо? Такъ на-те, любуйтесь.

Я рвала съ себя блузку.

Блудливые глаза генерала испуганно бѣгали.

— Вы сумасшедшая. Развѣ такъ можно!

— Можно! вы доведете до всего.

Онъ метнулся къ двери. Я его схватила за руку.

— Вы не уйдете, не взглянувъ на мое тѣло. Не будьте трусомъ, имѣйте мужество смѣло удовлетворить ваше давнишнее желаніе—въ этомъ, какъ видите, я искренно иду къ вамъ навстрѣчу.

Боже мой, какъ онъ былъ испуганъ, какъ боялся скандала. А я съ дерзостью хозяина положенія подвела съ нимъ счеты, попутно и за многихъ его единомышленниковъ.

Я была такъ взбѣшена, что была способной привести мою угрозу въ исполненіе. Онъ это чувствовалъ и метался, какъ затравленный звѣрь.

А я кричала:

— Не уйдете! я побѣгу за вами туда, къ нимъ, въ гостиную и заставлю васъ посмотрѣть на меня. Вы должны меня знать, должны хорошо меня запомнить.

Положеніе тенерала Ш. было трагическое.

Послышались шаги, онъ съ силой рва-

нулся отъ меня и, какъ сумасшедшій, бросился въ другую дверь.

Я во слѣдъ ему искренно расхохоталась: растерянная, бѣгущая фигура генерала была невыразимо жалка, смѣшна и удовлетворила меня за многое.

Послѣ этого генералъ долго не попадался мнѣ на глаза и совершенно оставилъ меня въ покоѣ.

Видите, что иногда можетъ надѣлать блузка съ прозрачными прошивками...

— Что-же вы, Николай Ильичъ, не смѣетесь?

Онъ взволнованно схватилъ мои руки.

— Аня, что вы со мной дѣлаете?

Въ отвѣтъ я усѣлась къ нему на колѣни.

— Обнимите меня вотъ такъ. Отлично, и вамъ удобно и мнѣ. А теперь, Николай Ильичъ, побаюкайте меня тихо, тихо, знаете, какъ только умѣетъ добрая мать.

Прошу, пожалуйста, покачайте меня такъ.

И ради Бога, забудьте мое тѣло женщины. Слышите, нѣтъ тѣла, нѣтъ женщины—у васъ на колѣняхъ дитя, большое, сумасбродное дитя. Вы должны смотрѣть на меня такъ, только такъ. Иначе я буду гадкая, буду дѣлать вамъ больно...

Боже мой, какъ хорошо, когда вы меня такъ просто, ласково качаете. И лицо у васъ совсѣмъ другое. Мнѣ кажется, у васъ на глазахъ слезы — это хорошо. Такія слезы нужны: онѣ очищаютъ душу. Я рада, что вы еще не разучились плакать...

Господи, какъ мнѣ хотѣлось иногда, къ кому-нибудь вотъ такъ прижаться; чтобы меня приласкали, не навязывая физіологіи, не видя во мнѣ прежде всего самку...

Странная я. Мнѣ уже много лѣтъ, всѣ двадцать восемь — не протестуйте, это правда. Скоро тридцать, а у меня такъ много еще дѣтскаго. Мнѣ иногда неудер-

жимо хочется бѣгать, прыгать, смѣяться и кувыркаться.

Въ дѣтствѣ жизнь мнѣ мѣшала быть ребенкомъ, а теперь, возможно, сказываются пробѣлы дѣтства, прорываются неизрасходованные смѣхъ, шалости и прочіе дѣтскіе порывы. Желаніе простой, чистой ласки, мнѣ кажется, идетъ изъ того же источника.

Каждый ребенокъ долженъ въ свое время получить извѣстную долю ласки,—горе не получившему свои порціи сполна; обойденный, онъ будетъ тосковать и рваться такъ, или иначе удувлетворить свою жажду.

Боже мой, какъ у людей гадко: кошку, собаку—куда не шло, мы приласкаемъ; но чтобы человѣкъ человѣка—это не принято, для этого надо быть, по крайней мѣрѣ, хоть любовниками. Дико, точно зачумленные, крѣпко огороженные другъ отъ друга живутъ люди...

Я не могу этого видѣть, терпѣть.

Я хочу, чтобы у людей было иначе и человѣчнѣй: хочу теплоты души другого человѣка; хочу на чьей-нибудь груди выплакать всѣ мои слезы. Мнѣ не нуженъ мужчина въ наложники, не нуженъ! Вы меня приласкайте не какъ звѣрь, а какъ человѣкъ, понимаете, какъ человѣкъ человѣка...

Тутъ спазма сдавила мнѣ горло, я чуть не захлебнулась отъ слезъ.

* *
*

Меня душитъ прошлое, чего-то отъ меня требуетъ, куда-то толкаетъ. Какъ хорошо, что мнѣ пришло въ голову писать записки,— они мнѣ помогаютъ: какъ клапанъ выпускаетъ лишній паръ, такъ облегчающе дѣйствуетъ на меня общеніе со всетерпящей бумагой.

Скверно я себя чувствую: нерадостное дѣтство, затравленная юность, одинокая

зрѣлость, какъ никогда даютъ себя чувствовать.

Что мнѣ дѣлать? Натура, разумъ, сердце не хотятъ мириться съ тѣмъ, какъ я живу.

Сердце, что ты отъ меня хочешь? Куда мнѣ итти, что дѣлать, какъ сбросить камень, наваленный на меня прошлымъ? Единственно, что я дѣлаю, не размышляя, повинуясь чьей-то волѣ—это кричу, кричу о пережитомъ.

Зачѣмъ? Неужели мнѣ нужно людское состраданіе?

Нѣтъ, нѣтъ, мной двигаетъ скорѣй инстинктъ самосохраненія, — я не могу больше молчать, мнѣ надо выкричаться, или накипѣвшее можетъ задушить меня.

Боже милосердный, я даже не разбираю, какъ и кому кричу. Вчера ни съ того ни съ сего, вдругъ разсказала, да еще при гостяхъ, какъ меня дѣвчонкой, чуть не изнасиловалъ, спьяна, родной отецъ.

Вышло грубо, неумѣстно, дико. Всѣ были шокированы. Получился скандалъ.

Тетя Оля съ искаженнымъ лицомъ, подскочила ко мнѣ и прошипѣла:

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы это говорили? Есть вещи, о которыхъ надо молчать— этого требуетъ достоинство и аристократизмъ души. Вы похожи на человѣка, свалившагося съ крыши, который сталъ на перекресткѣ и вопитъ о томъ, какъ онъ искалѣчился. Вы просите состраданія, какъ милостыни—зачѣмъ оно вамъ? Зачѣмъ вы унижаете себя ради некрасивыхъ, грубыхъ эффектовъ?

Съ изумленіемъ смотрѣла я на нее.

— Я клянчу у васъ милостыню?

Съ невыразимымъ чувствомъ я осмотрѣла ихъ всѣхъ.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Мнѣ не надо милостыни, я богата, очень богата. Повѣрьте, я скорѣе отъ избытка подарила

вамъ интимность моей души—понимаете, подарила.

Тетя Оля позеленѣла.

— Никто у васъ этого не проситъ. Намъ не нужна, совсѣмъ ни къ чему ваша интимность.

Я взволнованно поднялась.

— Съ моимъ подаркомъ вы можете поступить, какъ вамъ угодно,—это дѣло чутья и вкуса, но дарить никому, кажется, не возбраняется. Красть, говорятъ, стыдно, а давать...

Впрочемъ, и на счетъ кражъ разныя могутъ быть мнѣнія...

Тутъ я, не переводя духъ, разсказала имъ иронически, и въ очень яркихъ краскахъ, какъ я, будучи по натурѣ правдивой, честной, однажды, служа у богатыхъ купцовъ, подъ вліяніемъ страшной нужды моей семьи вдругъ начала красть куски сахара, остатки пищи, огарки свѣчей и тому подобное.

— Понимаете, господа, не выдержала я чудовищнаго контраста: тутъ захлебываются въ деликатессахъ, не знаютъ, чѣмъ еще себя ублажить, тратятъ бѣшеныя деньги на глупости, а тамъ не каждый день имѣютъ пищу, ходятъ чуть не въ лохмотьяхъ, не имѣютъ своего угла. Не каждый можетъ видѣтъ страданіе, нужды другихъ,—я крала все, что можно. Не думайте, я сначала попросила, но на меня такъ вытаращили гдаза, —моя просьба показалась такой странной, дикой,—мнѣ оставалось стиснуть зубы, чтобы съ языка не сорвалось чего не слѣдуетъ, и замолчать.

Изъ моихъ пятнадцати рублей жалованья, при условіи всегда быть прилично одѣтой, я не могла много удѣлять моей семьѣ,— оставалось, какъ говорится, красть.

Меня это безумно мучило; для себя я никогда не стала бы принимать такую пытку—скажите, можно думать развѣ о чест-

ности, видя, какъ пухнутъ съ голоду? Скажите, какъ бы вы поступили?

Тутъ гости стали шумно расходиться по домамъ, и мой вопросъ остался висѣть въ воздухѣ.

Только Николай Ильичъ, необычайно блѣдный, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Что вы, сумасшедшая, дѣлаете? Они вамъ этого не простятъ.

Пожалуй, онъ правъ. Бабушка и тетя Оля серьезно на меня косятся: несмотря на мое заявленіе, что я къ нимъ въ невѣстки не собираюсь, онѣ все-таки побаиваются.

Ловлю себя на непріятномъ чувствѣ: я измѣнилась къ Зинѣ, меня тяготятъ мои обязанности.

* * *

Ну вотъ, опять начинается старая пѣсня, опятъ меня тянетъ къ сценѣ — тянетъ упорно, назойливо, и день и ночь.

А тутъ еще Николай Ильичъ убѣждаетъ, что во мнѣ сидитъ настоящая артистка, что всѣ мои странныя выходки—протестъ натуры, переросшей свою среду.

Пожалуй, такъ и есть.

Опять меня толкаетъ на этотъ трудный скользкій путь.

Однажды я убѣдила себя, что на сцену нельзя итти неграмотной, убѣдила и задушила свои порывы. А теперь я убѣждаю себя, что „грамотной“ можно сдѣлаться и что при моей способности схватывать все буквально на лету, не трудно будетъ этого достигнуть.

Вѣдь кажусь же я всѣмъ интеллигентной, развитой, а подумать только, при какихъ условіяхъ я этой интеллигентности нахваталась. Не будь у меня прирожденнаго чутья, вкуса, умѣнья разбираться скорѣе инстинктомъ,—при той жизни, которой я жила, изъ меня должно было выйти чортъ знаетъ что.

Если я какъ-будто и смахиваю на человѣка, то этимъ я обязана все-таки моей не слабой и способной натурѣ. Зачѣмъ же я теперь возстаю противъ нея? Почему не иду, куда она меня тянетъ?

Анна, не дури, развѣ ты можешь итти, не разбирая средствъ? Развѣ у тебя хватитъ силъ, не поступаясь, побороть „подспорья", которыя у насъ на пути женщины такъ обильно натыканы?

А кто мѣшаетъ мнѣ попробовать? Чѣмъ я рискую? Къ чему всѣ эти разсужденія, когда въ глубинѣ души я уже рѣшила ѣхать въ Петербургъ, искать людей, учиться и пробиться къ сценѣ.

Мнѣ собираются отказать отъ мѣста, ищутъ только благовиднаго предлога, но я предупрежу ихъ.

А съ Николаемъ Ильичемъ придется кончить. Не товарищъ онъ мнѣ, многое и даже страшное, непоборимое насъ раздѣ-

ляетъ; терять же время, силы на перевоспитаніе его, опять подрядиться въ няньки— я больше не могу.

Довольно, я хочу теперь для себя.

Мнѣ удалось отравить ему его пошлую, глупую жизнь—и то хорошо. Теперь напишу ему на прощанье хорошенькое завѣщаніе—при его влюбленности и склонности къ романтизму это завѣщаніе можетъ немало ему дать,—и наше вамъ до свиданія.

Прощайте, Николай Ильичъ.

Мои мысли, я вся уже въ Петербургѣ.

Петербургъ, кажешься ты мнѣ большимъ, прекраснымъ и загадочнымъ, какъ сфинксъ.

Что-то ты мнѣ дашь?

* *
*

Уѣхала украдкой, только съ сонной Зиной попрощалась. Оставила записку, прося выслать вещи въ Кіевъ, оттуда мнѣ ихъ направятъ въ Петербургъ, а любопытнымъ

скажутъ, что я уѣхала съ какой-то дамой на Кавказъ.

Все устроено. Николай Ильичъ не найдетъ моихъ слѣдовъ.

А славное я ему написала завѣщаніе— одна сплошная поэзія и только.

А что ты думаешь, Анна, вѣдь въ тебѣ, кажется, сидитъ поэтъ?

Ну такъ что? сидитъ, такъ сидитъ.

Сейчасъ я безгранично счастлива, имѣю въ кошелькѣ около сотни рублей, билетъ, и черезъ часъ уѣзжаю въ Петербургъ.

До свиданія!

* * *

Сфинксъ разгаданъ. Боже милосердный, есть ли что-нибудь хуже и нелѣпѣй Петербурга?

Кажется, гадостью и нелѣпостью обрызганы всѣ его дома и ихъ обитатели. Ну и поразилъ же меня Петербургъ, до сихъ

поръ не могу опомниться—этой-то науки еще не доставало.

Намыкалась я за эти мѣсяцы, натерпѣлась всего въ волюшку.

Тутъ мнѣ хочется ругаться. Ахъ, не понимаю я нелѣпости большихъ городовъ, не понимаю. Собьются люди въ кучу, сдѣлаютъ все для того, чтобы у нихъ не было воздуха, неба, солнца, и копошатся по своимъ каменнымъ мѣшкамъ, и задыхаются, калѣчатся, давятъ другъ друга въ противной смрадной ямѣ, среди желѣза, камня, болѣзней, ужаса и всевозможныхъ мукъ.

И что еще ужаснѣй, — люди такими ямами гордятся, восторгаются, стремятся, чтобы ихъ ямы были побольше, да поглубже.

И все это дѣлается во имя культуры, науки и другихъ замѣчательныхъ вещей.

Развѣ надо, чтобы всѣ эти вещи доставались такимъ страшнымъ, убійственнымъ для человѣка путемъ?

Неужели нельзя иначе?

Да, будь они тогда трижды прокляты!

Правда, въ большихъ городахъ есть своя красота и величіе. Но ихъ питаетъ людская кровь; они построены на костяхъ несчастныхъ; они со всѣхъ сторонъ обрызганы слезами—и пусть, кто можетъ, восторгается, гордится этимъ, а я не могу закрыть мои глаза, заткнуть уши, заглушить крикъ негодованія, отвращенія, жалости.

И чудится мнѣ, люди когда-нибудь опомнятся, пожалѣютъ себя, своихъ дѣтей, другъ друга; забракуютъ эти подлыя ямы и свою красоту, величіе, науки, геній поставятъ въ иныя здоровыя, для всѣхъ понятныя и для всѣхъ доступныя условія.

Эта сказка часто грезится моему наивному сердцу.

* * *

Чуть не съ бою раздобыла заработокъ,

дающій возможность только не умереть съ голоду. О, какъ не хорошо здѣсь не имѣть ценза, протекціи, не умѣть, какъ надо, лгать и по-настоящему гнуть шею.

Работу нашла,—теперь пойдемъ дальше—только бы мнѣ пробраться къ сценѣ, а тамъ я покажу себя.

Придется много поработать, ну, да я этого не боюсь.

* * *

Вотъ тебѣ и „дальше". Закатила начальству пощечину и опять на томъ же самомъ мѣстѣ, т. е. безъ мѣста.

Анна, укроти свой языкъ и руки—они тебя до добра не доведутъ.

О, какъ меня душитъ здѣшняя природа и люди.

* * *

Чортъ знаетъ что, второй мѣсяцъ голодаю! За комнату или, вѣрнѣе, за темную холод-

ную клѣтку кое-какъ плачу, зарабатывая шитьемъ фартуковъ и отдѣлкой куколъ.

Есть надежда получить болѣе постоянное и выгодное занятіе.

О, въ Петербургѣ на надежды огромный спросъ. А люди-то, люди какіе тутъ непроницаемые, какъ-то особенно недоступные и холодные, какъ стѣны ихъ бездушныхъ жилищъ.

Фу, какъ мнѣ все это не нравится.

Солнышко, отчего, милое, ты тутъ такъ скупо свѣтишь?

* * *

Продолжаю драться—меня это начинаетъ приводить въ отчаяніе.

Что мнѣ дѣлать — не могу приспособиться къ здѣшней атмосферѣ!

Началось недурно—еще бы, я такъ наголодалась. И вдругъ: „требуется хорошо сложенная женщина для позированія“.

Да, я чуть не разцѣловала газету,—мнѣ казалось, что отъ объявленія идетъ ароматъ обѣда—Боже мой, вѣдь я такъ давно не обѣдала по-настоящему.

Не долго думая, понеслась по объявленію, а въ головѣ царила только одна мысль о щахъ со сметаной и гречневой кашей, горячей-прегорячей и съ масломъ.

Подумать только, что можетъ дѣлать изъ человѣка голодъ?

Прилетѣла. Отличный, барскій особнякъ, богатая, со вкусомъ обстановка.

Встрѣтилъ меня самъ маэстро, высокій, сѣдой, съ благородными манерами баринъ.

По винтовой лѣстницѣ поднялись въ мастерскую.

— Такъ вы по объявленію? Отлично. Видите, я началъ этотъ холстъ. Центральная фигура женщины. Будьте любезны раздѣться здѣсь за ширмой. Вы не повѣрите, какъ трудно иногда найти нужную

натуру. Вотъ въ Парижѣ на этотъ счетъ несравненно лучше—всегда найдешь, что тебѣ надо.

Пошла я за ширму и тутъ только сообразила, что дѣлаю. Кровь бросилась мнѣ въ голову, съ невѣроятнымъ усиліемъ я раздѣлась и мгновенно опять одѣлась.

Какое мучительное чувство! Служить искусству хорошо, въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Но отчего же мои ноги точно приросли къ полу,—я не могу сдѣлать ни шагу изъ-за ширмъ?

Тяжело, противно, горько. Служить искусству надо непремѣнно свободно, совсѣмъ свободно, а не насилуя себя съ голодухи. Показать себя голой можно только добровольно, человѣку, котораго знаешь, уважаешь, любишь... А чужому, ради денегъ, только денегъ—о, это такъ ужасно, такъ унизительно.

Я колебалась.

— Да, да, все это такъ. Но что-же дѣ-

лать? Въ жизни много ужаснаго. Я не одна. Люди ежеминутно другъ друга унижаютъ, оскорбляютъ, насилуютъ и безпощадно душатъ. А жить надо, безъ обѣда скверно.

Я озиралась, какъ затравленная.

— Зеркала, какія большія, наглыя зеркала! Что же я стою — какъ глупо! Надо на что-нибудь рѣшиться.

Я сдѣлала послѣднее усиліе, рѣшительно раздѣлась и вышла изъ-за ширмы съ другого конца, гдѣ не было зеркалъ, и спиной къ художнику.

— О, о, какъ мы славно сложены! Только не мѣшало бы вамъ пополнѣть. Впрочемъ такъ, пожалуй, лучше — тѣло кажется болѣе юнымъ. Вы, правда, южанка? Конечно. У васъ прекрасный колоритъ тѣла. Я радъ, вы, мнѣ, правда, подходящи. Только вы напрасно вышли изъ-за ширмы съ этого конца — тутъ плохое освѣщеніе. Будьте любезны повернуться.

— Повернуться! Показать ему мое опущенное, несчастное отъ униженія и стыда лицо? Ни за что!

Я пошла за ширму одѣваться.

— Простите, кажется, я не могу вамъ служить.

— Но почему же? Что случилось? Развѣ я васъ чѣмъ обидѣлъ? вотъ странно.

Я отвѣчала изъ-за ширмы.

— Не поклонница я предразсудковъ— повѣрьте. Мнѣ тяжело, не могу преодолѣть очень мучительнаго чувства.

Онъ волновался.

— Вотъ это-то самый настоящій предразсудокъ и есть. Какія глупости. Развѣ я васъ съѣмъ? Въ служеніи искусству нѣтъ ничего постыднаго, напрасно вы себя такъ настраиваете. Какъ женщина, вы для меня не существуете — можете повѣрить моей сѣдой головѣ Ну скажите, ради Бога, за что вы лишаете меня нужной модели?

У меня сорвалось съ языка:

— А сколько вы платите?

— Различно. Вамъ готовъ платить пять рублей за сеансъ.

Я пошла на уступки.

— Если хотите, пишите за два рубля спину, иначе не могу.

Онъ замѣтно злился.

— Вотъ упрямая. Смотрите, какъ красиво намѣчена у меня поза—изъ-за вашихъ нелѣпыхъ предразсудковъ я долженъ калѣчить мою мысль. Благодарю покорно.

— Какъ вамъ угодно. Можете мнѣ также повѣрить... Не радость загнала меня къ вамъ, — если не могу, значитъ не могу. Извините, что побезпокоила напрасно.

Поклонившись, я направилась къ выходу.

Онъ былъ взбѣшенъ.

— Да погодите, наконецъ. Бѣжитъ, точно предъ нею дикій звѣрь, вотъ—чудачка. Почему вы все время отворачиваете отъ

меня лицо? Увѣряю васъ, мнѣ нужна натура только для картины. Почему, скажите, вы не можете позировать, какъ мнѣ надо?

— Потому что тутъ психологія, которую не можетъ побѣдить даже голодъ. Понимаете?

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня. Потомъ подошелъ къ полотну и сталъ что-то соображать.

— Ну, Богъ съ вами, если не можете, будемъ писать спину. Приходите.

— Когда?

— Завтра утромъ, къ одиннадцати.

Итакъ, послѣ довольно энергичной схватки изъ-за зеркалъ, которыя настояла переставить, я начала позировать у извѣстнаго художника.

Во время сеансовъ я испытывала невыносимое чувство униженія. Это чувство съ каждымъ разомъ становилось все острѣй и острѣй.

Одно только меня утѣшало, что онъ не видитъ, какъ мучительно я краснѣла, и какія жалкія, безсильныя слезы катились иногда у меня изъ глазъ: съ непривычки позировать трудно.

Я поставила условіемъ, что, какъ неглупый человѣкъ, сумѣю дать нужную ему позу, только, чтобы онъ не прикасался ко мнѣ.

Онъ хохоталъ.

— Боже сохрани, чтобы я когда хоть пальцемъ тронулъ такую недотрогу.

Всегда онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, остроумно болталъ о томъ, о семъ, о Парижѣ, испанкахъ и т. д.

А мнѣ совсѣмъ не хотѣлось говорить, кромѣ „да“ и „нѣтъ“ онъ не могъ добиться отъ меня иныхъ отвѣтовъ.

Иногда онъ говорилъ:

— Фу, какая же вы дикая, ничѣмъ васъ не приручишь. Я и то, я и се,—ничто не

помогаетъ. До сихъ поръ толкомъ не разглядѣлъ ваше лицо. Какія, напримѣръ, у васъ глаза—понятія не имѣю. Скажите, пожалуйста, отчего вы такъ упорно прячете отъ меня лицо?

Я молчала. Онъ тоже умолкъ, буркнувъ:

— Вотъ, чудачка! А знаете, вы все-таки прелюбопытная. Въ васъ есть что-то интригующее.

Иногда онъ принимался убѣждать меня перестать стѣсняться и перемѣнить позу.

— Такимъ тѣломъ гордиться надо, а вы какую-то нелѣпую трагедію разыгрываете.

Но на всѣ его просьбы я отвѣчала: нѣтъ и нѣтъ. Такъ продолжалось три недѣли, я кое-какъ поправила мои дѣла... и вдругъ— о я до сихъ поръ взбѣшена, какъ чортъ.

Вчера къ концу сеанса, онъ воскликнулъ:

— Превосходно! выходитъ, право, недурная вещь. Я доволенъ вами.

Слышу—онъ приближается ко мнѣ. Не успѣла я сообразить, какъ онъ погладилъ мою спину и прошепталъ:

— Я больше не могу. У васъ, милочка, очаровательная спинка.

Я вздрогнула, какъ отъ удара, и повернула къ нему мое взбѣшенное лицо.

— Если вы меня еще тронете, я вамъ, чортъ знаетъ, чего надѣлаю.

Онъ улыбался съ довольнымъ видомъ.

— О, какое у васъ выразительное лицо. Я такъ и думалъ. Гнѣвъ вамъ идетъ, сейчасъ вы настоящая тигрица. Красиво, удивительно красиво... И вы прячете такое интересное лицо— ахъ, вы безсовѣстная!

Я задыхалась.

Что-то забѣгало у него въ глазахъ. Пытливымъ, сверлящимъ взглядомъ смотря мнѣ въ лицо, онъ протянулъ руку и пошлепалъ меня такъ, какъ обыкновенно шлепаютъ въ наказаніе маленькихъ дѣтей.

Я взвыла. Внѣ себя отъ гнѣва, я бросилась къ нему, свалила съ ногъ и начала бить его бѣшено, по чемъ попало.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, старая гадина. Будешь меня помнить!

Схвативъ его за плечи, ругаясь и плача, я яростно трясла его. Я высказала ему все, что у меня за мои мытарства по Петербургу накипѣло, разсказала ему, какъ у насъ мало людей и сколько такихъ подлецовъ, какъ онъ.

Ошеломленный моимъ неожиданнымъ нападеніемъ и бѣшенымъ припадкомъ гнѣва, онъ не пытался защищаться, а только безпомощно и растерянно озирался на дверь, боясь скандала.

Окативъ презрительнымъ взглядомъ всю его жалкую фигуру, я пошла за ширму, кое-какъ одѣлась и ушла.

О, онъ менѣе всего ожидалъ такого конца своимъ экспериментамъ.

Описавъ эту исторію, мнѣ сразу стало легче, гнѣвъ стихъ, и сейчасъ я не могу вспомнить безъ смѣха перепуганнаго, безпомощно-распростертаго нашего знаменитаго маэстро, котораго я такъ усердно била.

Анна, Анна, до чего ты дойдешь?!

* * *

Выродки, насильники, звѣри, плевать я на васъ хотѣла!

Торжествовать будетъ тотъ, кто будетъ торжествовать послѣднимъ.

Анна безъ боя не сдастся,—такъ и знайте.

* * *

Вотъ сюрпризъ: нашла элегантное портмонэ съ запахомъ дорогой фіалки, а въ немъ тридцать восемь рублей денегъ— должно быть, модница какая-то потеряла. Послала ей заочное спасибо, купила немного бѣлья, устроила грандіозное угощеніе

ребятишкамъ нашего двора, два раза подрядъ иду въ театръ и чувствую себя отъ этого, точно на седьмомъ небѣ.

Эхъ, жаль, что не долго придется тамъ пробыть.

* * *

Надо философствовать—иначе крышка.

Многое можетъ вынести натура человѣка, но не все: для этого надо быть богомъ.

Какъ меня огорчаютъ люди! Когда-то я въ нихъ вѣрила, потомъ увидя, что они изъ себя представляютъ, пришла въ отчаяніе отъ ихъ самозванства; стала среди нихъ искать дѣйствительнаго человѣка и не нашла.

Но, признаться, до сихъ поръ не теряю надежды, присматриваюсь, прислушиваюсь къ каждому и, кажется мнѣ, вотъ, вотъ найду настоящаго человѣка.

Вчера мнѣ опять померещился человѣкъ, и какъ я за это была наказана!

Точно проклятіе какое виситъ надо мной. Съ самаго дѣтства тянулась я къ образованнымъ, чистымъ, интеллигентнымъ людямъ. Меня окружали жалкіе, темные люди— они мнѣ казались ненастоящими.

— Настоящіе люди для меня были вы, живущіе въ чистыхъ домахъ, носящіе чистое платье, говорящіе такимъ красивымъ, умнымъ, благороднымъ языкомъ.

Я тянулась къ вамъ, думая научиться у васъ доброму, нужному, думая научиться у васъ, какъ быть человѣкомъ.

За эти порывы, за вѣру въ интеллигента, вы меня жестоко наказали: и я никогда не прощу вамъ страшнаго разочарованія въ васъ, какъ людяхъ.

И вѣрится мнѣ, что нелѣпость должна кончиться: люди перестанутъ измѣрять интеллигентность такъ, какъ она у насъ измѣряется—смѣло поставятъ точку надъ і, смѣло назовутъ вещи настоящими именами.

Да, да, я вѣрю, люди прямо, во всеуслышаніе будутъ говорить: такой-то докторъ, адвокатъ, артистъ, профессоръ, инженеръ, писатель носитъ чистое, красивое платье, живетъ въ чистой, красивой обстановкѣ, понимаетъ въ музыкѣ, литературѣ и искусствахъ, говоритъ хорошія, благородныя слова и живетъ свинья-свиньей.

Да, да, я вѣрю такимъ „интеллигентамъ" не только дадутъ настоящія для нихъ названія, но и обращаться будутъ съ ними такъ, какъ они того заслуживаютъ.

Кошмаръ нелѣпыхъ привилегій долженъ разсѣяться, серьезная переоцѣнка цѣнностей уже виситъ въ воздухѣ.

* * *

Я рада, что я крестьянка, что меня родили подлинные крестьяне, и я подлинная дочь моего отца, до смѣшного похожая на него и внѣшностью и чертами характера.

Меня всегда возмушаетъ дѣленіе людей на породы. Мнѣ кажется, природа отпускаетъ каждому человѣку отличную порцію чутья, вкуса и стремленія къ лучшему, къ человѣчному, — остальное зависитъ отъ условій...

Одни имѣютъ возможность ихъ развивать, не калѣчить, ими пользоваться, другіе нѣтъ—вотъ и все.

Въ каждомъ классѣ людей есть способные и неспособные, кретины и геніи.

Ну, Анна, еще что?

О, мнѣ такъ хочется пойти въ театръ.

Къ театру я питаю прямо благоговѣйное чувство. Каждый разъ, какъ я вхожу въ него, мнѣ кажется, я вхожу въ большой, прекрасный, настоящій храмъ; колѣни мои гнутся, мнѣ хочется опуститься, плакать и молиться.

Какъ жаль, что этотъ храмъ у насъ опошленъ, забрызганъ грязью.

Театръ много мнѣ далъ, помогалъ развиваться, училъ понимать жизнь и людей.

Ахъ, незабвенные понедѣльники въ Харьковѣ, гдѣ за пятнадцать копеекъ, всунутыхъ въ руку капельдинера, можно было стоять въ проходѣ галлереи и наслаждаться безъ конца!

Каждый разъ при разставанiи съ театромъ у меня набѣгали на глаза слезы—такъ я его любила и такъ не хотѣла уходить изъ него. Когда, когда я попаду туда? Когда со сцены передамъ людямъ всю муку, всю радость, вѣру — всѣ мои звѣздочки?

Ахъ, какой у меня трудный путь, не видно ни одной тропинки...

Анна, хватитъ ли у тебя силъ?

* * *

Второй разъ былъ обморокъ: сильно я устала и обмалокровилась.

Гдѣ-то сидитъ мысль о Николаѣ Ильичѣ: написать ему, просить поддержки.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ знаетъ меня только сильной; не буду портить ему настроеніе— пусть останусь для него такой навсегда.

* * *

Кажется, я изнемогаю. Одной пробиться невозможно. Надо поэнергичнѣй приняться за поиски людей,—не можетъ быть, чтобы ихъ тутъ не было.

Просто не попадаются мнѣ.

* * *

Не умѣю, не умѣю я находить нужныхъ людей.

А можетъ, не умѣю съ ними изъясниться— постоянно у меня выходятъ какія-то „исторіи". Всѣмъ моимъ существомъ чувствую—

я права, поступаю, какъ надо,—а они не на моей сторонѣ. Смотрятъ на меня подозрительно, косо, явно враждебно.

Моя искренность, прямота, отсутствіе ложной скромности постоянно вредятъ мнѣ.

Что мнѣ дѣлать? Гдѣ тѣ, кто могъ бы меня понять? А жизнь дѣлаетъ свое: настойчиво, упорно загоняетъ меня въ уголъ.

* * *

У меня нѣтъ больше силъ. Смѣйся, торжествуй, моя подлая судьба: я сдаюсь!

* * *

Давно не писала. Пережила отвратительный кошмаръ, побывала въ больницѣ, а теперь, засучивъ рукава опять воюю съ жизнью.

Нѣтъ, чортъ возьми, сумасшедшую Анну не такъ-то легко выбить изъ строя,

Теперь запишемъ, какъ я рѣшила жить, „какъ всѣ“, и что изъ этого вышло.

Дѣло было такъ.

Въ отвратительный, промозглый петербургскій день, прошагавъ нѣсколько часовъ подрядъ изъ угла въ уголъ мой клѣтки, я подошла къ зеркалу и, взглянувъ на блѣдное, точно чужое мнѣ лицо, сказала:

— Ну, Анна, на этотъ разъ глухую стѣну тебѣ не прошибить—не ломись напрасно. Изъ твоего положенія есть только два выхода: проституція или „тотъ свѣтъ“. Выбирай любое.

Если хочешь жить, брось сентиментальность, на добродѣтеляхъ далеко не уѣдешь; бери, что всего охотнѣй предлагаетъ жизнь, куда давно толкаютъ, усердно тянутъ тебя люди, бери развратъ и съ его помощью иди къ завѣтной цѣли — живи какъ всѣ.

Сказавъ это, я съ невыразимымъ изум-

ленiемъ всматривалась въ мое лицо, измученное нуждой и страстными порывами къ сценѣ.

Я ясно поняла, что одной мнѣ не пробиться,—поддержки простой, безкорыстной я отъ людей больше не ждала: я ихъ хорошо узнала.

— Бери, Анна, развратъ и иди дальше.

Съ ужасомъ смотрѣла въ зеркало.

— И ты, ты это говоришь?

Губы мои кривились въ жалкую гримасу плача. Я продолжала допытывать себя.

— Какъ можешь ты такъ постыдно сдаваться? Развѣ у тебя нѣтъ способныхъ, не боявшихся никакого труда рукъ?

Въ отвѣтъ я хохотала.

— Трудъ! Руки! Довольно... Давно живу трудами своихъ рукъ—и что же? Развѣ я выбилась, дѣлаю свою настоящую работу?

Я впилась въ мое изображенiе, точно передо мной былъ заклятый врагъ.

Мысль, какъ молнія, метнулась назадъ къ самому началу моихъ самостоятельныхъ заработковъ, иронически, безпощадно просверлила всѣ послѣдующіе годы честнаго, безъ передышки, труда и вдребезги разбилась о жалкіе результаты.

— Видишь, всѣ эти годы ты толклась на одномъ мѣстѣ. Прорви заколдованный кругъ! Развратомъ иди къ цѣли, вой по волчьи,—иначе съ волками нельзя жить.

Я задыхалась отъ гнѣва, руки мои сжимались въ кулаки.

— Что ты, проклятая, говоришь?

Сколько лѣтъ боролась, отстаивая душу, тѣло, право быть человѣкомъ и теперь все это отдашь—кому, кому?

Только позволь, и „они" подъ видомъ покровителей, друзей, любовниковъ замучаютъ тебя, изнасилуютъ твою душу, истреплютъ тѣло, убьютъ въ тебѣ все, что можетъ напоминать человѣка.

Ты хочешь этого? Ты сошла съ ума, такъ подло, низко пала!

На меня изъ зеркала смотрѣло искаженное отъ муки лицо.

— Больше не могу—это не жизнь, а пытка. Пытка такъ, пытка иначе—не все ли равно? Лучше пытка, которая дастъ мнѣ возможность дѣлать мое любимое, родное дѣло—все, все отдамъ ради него.

Я долго всматривалась въ себя, потомъ одѣлась и пошла узнавать, какъ лучше продаваться.

Нѣсколько разъ обошла Невскій, жадно, съ надеждой всматриваясь въ лица прохожихъ.

Мнѣ чудилось, что не все еще погибло, что можетъ я вдругъ встрѣчу и дружески протянутыя руки и теплоту души.

Но въ лицахъ встрѣчныхъ мужчинъ—о нихъ было такъ много!—я видѣла только одно жестокое, противное выраженіе само-

довольства, пошлости и наглаго, привычнаго разврата.

Ни одного человѣческаго лица, куда ни взглянешь—звѣри.

— Нѣтъ, уговаривала я себя, это не то. На улицѣ всѣ кажутся другими, хуже. Надо куда-нибудь пойти.

Я очень торопилась; гдѣ-то сидѣлъ страхъ—а вдругъ раздумаю. Купила маску и вотъ я въ уборной Благороднаго собранія.

Еще рано, публики мало. Я сѣла въ кресло подлѣ большого трюмо и застыла.

— Что я дѣлаю? кричало все мое существо. А разумъ твердилъ свое:

— Другого выхода нѣтъ, если хочешь жить.

Публика прибывала. У трюмо толпились, охорашиваясь, женщины. Я впилась въ ихъ лица.

Боже мой, какія несчастныя, жалкія, страшныя! Какое тупоуміе, цинизмъ, жад-

ность, развратъ отъ голода и развратъ настоящій выражали эти лица. Сколько гадости, пошлости и ужаса, ужаса безъ конца!

— И меня, и меня сдѣлаютъ такой—содрогалось мое сердце.

— Неправда, возражалъ разумъ, если захочешь, такъ и тутъ можно оставаться человѣкомъ. Довольно колебаній. Иди, ищи и, почемъ знать, можетъ, тутъ-то и встрѣтишь человѣка.

— Да, да, шептала я, можетъ, встрѣчу человѣка.

Я сорвалась и вышла изъ уборной.

Обошла весь залъ, гостиныя, буфетъ, зорко всматриваясь въ лица мужчинъ.

Все то же, ни одного мало-мальски человѣческаго лица. О! какъ больно закипѣло у меня въ груди. Я упала въ кресло и залилась бѣшенымъ, неудержимымъ смѣхомъ.

Мой смѣхъ привлекъ вниманіе, меня окружили со всѣхъ сторонъ.

Я хохотала, а изъ глазъ катились ѣдкія слезы разочарованія, тоски.

— Ха, ха, ха, угадайте, господа, кого я здѣсь искала? Угадайте?

Посыпались плоскіе, пошлые, циничные отвѣты.

— Не то, не то. Не угадали. Я плачу,— какой вздоръ! Это отъ смѣха слезы. Представьте, я человѣка здѣсь искала—ха, ха, ха, человѣка среди васъ,—вотъ дура!

Я вскочила. Толпа вокругъ меня росла.

— Да, господа, я дура! Я вся напичкана талантами и, гляньте, мои очаровательныя ножки въ какихъ изорванныхъ башмакахъ... У меня нѣтъ бѣлья... Я съ тѣломъ Венеры и безъ бѣлья,—вотъ дура!

Но не безпокойтесь, я прозрѣла.

Довольно голодать.

Довольно прозябать, питаясь жалкой надеждой на чудо, на встрѣчу и вниманіе несуществующихъ людей. Довольно насиловать

стремленіе, натуру, довольно пытки—я жить хочу.

Къ чорту убогій, честный трудъ.

Къ чорту всѣ глупости, носящія названіе гордости, достоинства и права человѣка,— онѣ мѣшаютъ жить!

Я стала умной. Пожалуйте, пожалуйте, господа, здѣсь распродажа, исключительная, сногшибательная, окончательная распродажа! Позвольте показать товаръ лицомъ.

Съ бѣшенствомъ я сорвала съ себя маску.

— Не смотрите, господа, что я худа, блѣдна измучена—съ нужды, да непріятностей не очень растолстѣешь. Но это не бѣда, я не стара, скоро отойду, и цвѣтъ лица вернется. Кто хочетъ избавить меня отъ нужды, поможетъ поправить силы, отдохнуть, учиться, дѣлать мое дѣло? За это предлагаю тѣло. Кто хочетъ взять въ аренду мое тѣло? Предупреждаю, кто возьметъ— жалѣть не будетъ: у меня характеръ инте-

ресный, у меня шикарный темпераментъ, я женщина со вкусомъ, въ любовницы вполнѣ гожусь,—о, еще какъ!—во мнѣ сидитъ не меньше дюжины различныхъ бѣсенятъ,—это чего-нибудь да стоитъ! Затѣмъ еще одна пріятность—я дѣвушка, тѣло мое еще никто донынѣ не трепалъ,—ха, ха, ха, какъ высокопарно.

Итакъ, гдѣ мой прекрасный, щедрый, арендадоръ? Тѣло сдаю на годъ—потомъ посмотримъ.

Условія мои скромны: сто рублей въ мѣсяцъ,—и никакихъ.

Толпа все прибывала.

Въ меня впились десятки блѣдныхъ, циничныхъ, пьяныхъ лицъ.

Я имъ замѣтно нравилась; вокругъ меня образовалось крѣпко-сплоченное кольцо.

Я хохотала прямо въ лицо толпѣ.

— Ха, ха, ха, сколько желающихъ—успѣхъ необычайный. Постойте, не толпи-

тесь, я выберу изъ васъ, покамѣстъ, четырехъ. Пожалуйте-ка, благородный Марсъ, сюда,—ха, ха, ха, мундиръ съ иголочки, усы закручены, щеки блестятъ отъ чистоты—будемъ надѣяться, что внутренно вы такъ же чисты... Идите, господинъ студентъ, вторымъ, право, вы, кажется, еще не потеряли облика человѣка... Кто третій? Вы съ осанкой адвоката—угадала? Ну, что-жъ, коли охота. А вы, любезнѣйшій, пожалуйте для счета,—ха, ха, ха, вотъ вамъ и рифма.

Мнѣ надо четырехъ. Теперь платокъ, завяжемъ узелокъ, вотъ такъ—кому достанется, тотъ получай меня.

Все очень просто.

Ну, развѣ можно пробиться женщинѣ одной, безъ васъ, нашихъ покровителей, защитниковъ, друзей, не давъ вамъ на глумленье тѣло, не давъ вамъ оплевать всѣ лучшія желанія души? Ай, ай, сантиментально,—пожалуй, упаду въ вашихъ глазахъ...

Ну-съ, разыграемъ... тяните кончики платка... ха, ха, ха, и весело же жить на божьемъ свѣтѣ...

Ура, ваша взяла! Да здравствуетъ мой арендаторъ!

Имѣйте, мой другъ, въ виду, я очень голодна. Куда хотите ѣдемъ, мнѣ все равно...

Прощайте, господа, а можетъ быть, до слѣдующаго раза...

Я хохотала, все время хохотала; хотѣлось смѣхомъ заглушить боль, протестъ, муку души.

Пріѣхали въ какой-то ресторанъ. Мой арендаторъ былъ любезенъ, влюбленъ и не спѣшилъ себя показывать.

Что это было? Какъ я сидѣла, пила, ѣла— всего не помню: какой-то страшный, чудовищный кошмаръ.

Ясно помню только одну мысль: „я начинаю жить, какъ всѣ".

Отъ выпитаго на пустой желудокъ шам-

панскаго у меня кружилась голова, казалось, вотъ, вотъ лишусь сознанія.

И хохотала безъ конца.

Вдругъ мой подвыпившій арендаторъ грубо схватилъ меня за грудь и началъ разстегивать на мнѣ платье.

Больно ударило мнѣ въ голову, сердце закипѣло, я взвыла, какъ раненый звѣрь. Откуда взялась сила, какъ перышко, отшвырнула я его отъ себя и, задыхаясь, бѣшено кричала:

— Не хочу аренды, не могу! Это была ошибка. Попробуй-ка еще тронуть меня, попробуй—я задушу тебя, какъ гадину. Со мною не шути. Я многое могу снести, терпѣть, но жить по вашему я не могу. Теперь, навѣрно знаю. Насильно отдавать себя — фу, какая гадость, какая гнусность—это хуже смерти. Лучше не тронь меня.

Онъ растерялся и испуганно шепталъ:

— Что ты, съ ума сошла? Опомнись, никто тебя не будетъ брать насильно...

— И не совѣтую!

Возмущаясь, ругаясь, я одѣлась и ушла, оставивъ его въ полномъ недоумѣніи. Ну, а онъ не побѣжалъ за мной—не изъ той породы.

По дорогѣ домой я свалилась, попала въ больницу и чуть не подохла отъ горячки.

* * *

Ну и подлая же у меня судьба: затравила, довела чуть не до сумасшествія, а теперь начинаетъ отпускать и милостиво улыбаться.

Черезъ доктора, лѣчившаго меня въ больницѣ, получила мѣсто чтицы къ больной старушкѣ, съ приличнымъ жалованьемъ и полной свободой съ четырехъ часовъ дня,—какъ разъ то, что мнѣ и надо.

Теперь пойдемъ дальше.

* * *

Была у извѣстной артистки. Очень волновалась, держала себя глупо, говорила не то, читала отвратительно, деревянно.

Знаменитость изрекла: „Совершенно неспособна къ сценѣ".

Я прямо дико закричала: вы ошиблись! Я вамъ говорю, ошиблись.

Она соболѣзнующимъ взглядомъ посмотрѣла на меня, нажала кнопку звонка и сказала вошедшей горничной:

— Катя, проводите барышню.

Меня торжественно выпроводили за дверь.

Я неспособна къ сценѣ—вотъ нелѣпость!

Завтра провѣрю, что другiе скажутъ.

* * *

Безсонница, ты опять со мной? Прочно расположилась, и чуетъ моя душа, что не напрасно.

Опять ты меня мучаешь. Боже, что со

мной? Щеки мои горятъ, голова полна странныхъ, странныхъ мыслей.

Въ больницѣ, недѣлями прикованная къ постели, я много передумала, и куда только не заносила меня фантазія.

Фантазія, моя сумасшедшая фантазія, до чего ты меня доведешь? Вотъ сейчасъ на дворѣ бушуетъ буря, хлещетъ дождь, громъ потрясаетъ стѣны, окна, а у меня на душѣ хорошо, хорошо, какъ въ сказкѣ.

Ай, какъ молнія прорѣзала ночную мглу, какъ вѣтеръ треплетъ деревья чахлаго сада.

Въ такую бурю хорошо не спать и слушать: въ порывахъ бури красота и смерть, жизнь и ужасъ, рай и адъ.

Буря, ты много говоришь моей душѣ; возможно, мы съ тобой въ родствѣ. Бушуй тоже: будемъ коротать ночь каждый посвоему.

Буря, хочешь, я разскажу тебѣ исторію твоего происхожденія?

— Ну, слушай: Богъ создалъ все, вплоть до Адама съ Евой; а до тебя и твоихъ грозныхъ дѣтей, грома, дождя и вѣтра съ молніей, еще не додумался. Въ этомъ ему помогла Ева.

И вотъ какъ.

Выходитъ какъ-то Господь Богъ изъ своей великой лабораторіи прогуляться по раю послѣ многихъ трудовъ и на дѣла своихъ рукъ полюбоваться. Ходитъ и не налюбуется на рай и своихъ дѣтей.

Адамъ, лежа у чистаго, какъ зеркало, пруда, раскинулся среди цвѣтовъ и сладко спитъ, а Ева, по обыкновенію, рыщетъ по раю: то тамъ, то сямъ мелькаетъ ея золотистая головка, звучитъ веселый смѣхъ.

— Вотъ непосѣда, подумалъ Богъ, вездѣ-то она лѣзетъ, всюду заглянетъ, понюхаетъ, потрогаетъ руками, — безпокойна и любопытна—страсть.

Задумался Богъ, прислушиваясь къ не-

смолкавшему ни на минуту голосу Евы. Долго-ли, коротко-ли Богъ размышлялъ, вдругъ очнулся: тишина поразила его: не было слышно Евы, вносившей шумъ и движеніе въ блаженную тишину рая.

Все кругомъ еще болѣе разомлѣло отъ райской благодати и застыло въ святости. Адамъ еще крѣпче спалъ.

— Что за оказія? подумалъ Богъ. Гдѣ же Ева, отчего ее не видно и не слышно? Позвалъ.

— Ева, гдѣ ты, моя златокудрая дочь?

Ни звука въ отвѣтъ.

Удивился Богъ: въ первый разъ Ева не откликалась на его зовъ.

Заинтересовался Богъ, но не разсердился. Надо сказать правду, люди оклеветали Бога: Богъ—это Богъ; въ его прекрасномъ, великомъ, любящемъ сердцѣ нѣтъ мѣста злобѣ, недоброжелательству, мести; у него нѣтъ времени шпіонить за каждымъ человѣкомъ—

это привилегія людей, и они напрасно свои низкіе инстинкты навязали Богу.

Итакъ, Богъ пошелъ искать непослушную Еву.

Обошелъ весь рай и на границѣ, отдѣлявшей рай отъ земли, въ тѣни дикой скалы нашелъ ее.

Она сидѣла грустная-прегрустная и отъ нечего дѣлать рыла рукой землю.

— Дитя мое, что ты тутъ дѣлаешь? Отчего спряталась и смолкла?

Ева по обыкновенной женской привычкѣ буркнула:

— Такъ!

— Этъ не отвѣтъ, дитя мое, разскажи, въ чемъ дѣло?

Ева еще ниже опустила голову и еще энергичнѣй заработала руками: земля такъ и разсыпалась въ сторону изъ-подъ ея пальцевъ.

— Ева, да отвѣть же, наконецъ, что съ отбой?

Ева подняла на Бога гнѣвные, въ слезахъ глаза и сказала:

— Я злюся. Меня все здѣсь злитъ. Мнѣ хочется изрыть весь твой рай, хочется все въ немъ перевернуть вверхъ ногами... Оставь меня, сдѣлай милость: я гадкая, гадкая, и рай твой гадкій!

— Что ты, Ева, опомнись. Какъ не хорошо ты со мной говоришь, — это меня огорчаетъ.

Ева, понятно, въ слезы.

— Прости, Господи, не знаю, что на меня нашло. Не сердись, но въ твоемъ раю тоска смертная.

— Ева, опомнись! Тоска въ раю, среди всей этой красоты, смиренныхъ, ласковыхъ животныхъ, пышныхъ цвѣтовъ, райскихъ птицъ, золотыхъ яблокъ—я тебя не понимаю, Ева.

— О, какъ мнѣ все это опротивѣло, злитъ.

Ева вскочила.

— Смотри, смотри, какъ все застыло. Птицы въ красивыхъ позахъ... Животныя бродятъ, какъ не живые... Адамъ съ утра до ночи спитъ. А яблоки — о, эти противныя яблоки!—висятъ не шелохнутся.

Нехорошо, Богъ, въ твоемъ раю, мертво, нѣтъ жизни. Мнѣ надоѣла тишина. Мнѣ хочется, чтобы все двигалось, жило, шепталось,—о, я не знаю, чего хочу!

Тутъ Ева бросилась къ райскому дереву и, громко плача, давай его изо всѣхъ силъ трясти.

— Не могу я видѣть этихъ истукановъ, не могу! Шевелитесь сейчасъ! вѣтки, качайтесь! Листья, шелестите! Яблоки, падайте! Пугайте сонныхъ птицъ—пусть полетаютъ! Яблоко, сорвись, ударь Адама въ лобъ — пускай проснется! Живите, живите, сони! Богъ, сдѣлай, пусть шевелится все, скрипитъ, кричитъ, гремитъ, сверкаетъ, а не

то я разнесу весь твой рай,—я не могу, не могу такъ больше жить!

Богъ съ улыбкой смотрѣлъ на разсвирѣпѣвшую Еву. Быстрота ея движеній, рѣзкій голосъ, блескъ гнѣвныхъ глазъ навели его на какую-то мысль.

Онъ всталъ и быстро направился въ свою божественную мастерскую, сказавъ на ходу:

— Ева, ты подказала мнѣ славную идею. Погоди, сейчасъ... сейчасъ....

Не успѣла озадаченная и заинтересованная Ева сдѣлать нѣсколько шаговъ вслѣдъ за Богомъ, какъ вдругъ все зашевелилось, закружилось, зашепталось, — Богъ создалъ вѣтеръ.

Ева отъ радости захлопала въ ладоши и закружилась вмѣстѣ съ вѣтромъ.

— Господи, какъ хорошо, какъ хорошо!

А Богъ, глядя на свое ликующее дѣтище, творилъ.

Вотъ вѣтеръ нагналъ тучъ, засверкала

молнія, грянулъ громъ, забарабанили крупныя капли перваго дождя—разбушевалась буря. Завыли испуганные звѣри, забились на деревьяхъ птицы, вскочилъ съ неудовольствіемъ потревоженный Адамъ и побѣжалъ искать, гдѣ бы укрыться.

Богъ творилъ.

А Ева, подставивъ голову подъ хлещущій со всѣхъ сторонъ дождь, вскрикивая отъ восторга при каждомъ раскатѣ грома и блескѣ молніи, стараясь покрыть бурю, радостно кричала:

— Еще! еще! Господи, какъ хорошо!

Да, вотъ какъ, въ самомъ дѣлѣ; была создана буря.

Теперь дальше.

Трахъ - трарахъ - тахъ - тахъ — славный ударъ.

А деревья-то какъ скрипятъ, бушуютъ — разгулялся вѣтеръ. Отлично. Молодчина.

Крути, свисти-трепли; сноси слабое, не-

годное, прочищай дорогу сильному, смѣлому, крѣпкому!

Буря, пой свои пѣсни, а я мои. Ночь, темная, безсонная, тебѣ остается рѣшить, чьи пѣсни лучше.

* * *

...Людская жизнь, тебя очистить можетъ только крестъ. Тебѣ нужна Голгоѳа, и слезы, стонъ страданій и кровь невинная еще ужаснѣе должна обрызгать всѣхъ; и среди ужаса, проклятій, озвѣрѣнья долженъ опять пройти Христосъ.

Христа теперь намъ надо. Онъ образумитъ, пристыдитъ, излѣчитъ, страданіемъ подниметъ людей къ Богу.

Мнѣ чудится, что всѣ страданья Христа, всѣ муки, всю Голгоѳу должна снести и міру показать теперь женщина.

* * *

Не везетъ со сценой—знаменитости продолжаютъ меня браковать.

Они ошибаются, но не виноваты: на меня нашло странное состоянiе, я не только не показываю себя, а безсмысленно, на всѣ лады искажаю. А выйдя отъ нихъ, съ бѣшенствомъ говорю:

— Для чего ты это дѣлаешь, для чего?

И не могу найти этому оправданья.

Одно для меня несомнѣнно, что-то врывается, насилуетъ мою волю, куда-то тащитъ.

Вотъ чертовщина! Ну, есть ли на свѣтѣ еще другое, подобное мнѣ, сумбурное, безпокойное, странное существо?

Родители мои, какой же вы меня создали несчастной!

* * *

Я въ отчаянiи.

Врываются самыя неожиданныя, нелѣпыя случайности и разбиваютъ мои планы. Опять чувствую себя затравленной.

Доколѣ же это будетъ продолжаться? Когда я угомонюсь, наконецъ? Когда меня отпуститъ моя подлая судьба?

* * *

Удивительное дѣло, всю мою жизнь у меня повторяется одно и тоже: травитъ, травитъ меня, доведетъ до отчаянія, сумасшествія, полнаго отупѣнія и тутъ-то непремѣнно что-нибудь выскочитъ.

Смотрю сейчасъ на полученное письмо и думаю: или люди сходятъ съ ума, или я.

Подъ вліяніемъ очень тягостнаго чувства, какъ-то вечеромъ, я написала прекурьезную вещь и, не долго думая, отправила въ редакцію одного большого журнала. Отправила скорѣй со злости и все время смотрѣла на это, какъ на одну изъ моихъ, иной разъ и для меня самой непонятныхъ, дикихъ выходокъ.

И вдругъ: „Редакція спѣшитъ сообщить,

что ваша вещь не только „годная“, но и чрезвычайно оригинальная. Съ особымъ удовольствіемъ помѣстимъ вашу сказку-утопію въ ближайшемъ номерѣ журнала. Правда, вещь нуждается въ карандашѣ редактора, но это пустяки, не портящіе прелести вашего своеобразнаго языка“. Ну, и такъ далѣе въ этомъ родѣ.

Я совершенно обалдѣла отъ этого сюрприза. Думаю, что тутъ что-нибудь да неладно.

* * *

Написала другую сказку, послала въ другой журналъ, меня не покидаетъ мысль, не произошло ли тутъ какой ошибки,— слишкомъ ужъ фантастично и неожиданно все это.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта. А пока что пишу сказку за сказкой — эта форма мнѣ больше всего по душѣ.

Не могу себѣ представить въ какую бы

форму, кромѣ сказки, можно было вылить мою, иной разъ, прямо кошмарную фантазію.

Потомъ у меня откуда-то выскочилъ юморъ; часто сама катаюсь отъ смѣха, читая написанное. А между тѣмъ я совсѣмъ не изъ смѣшливыхъ.

* * *

Я точно сорвалась съ цѣпи, не могу остановиться, и все пишу, пишу.

Задумала прехорошенькую сказку для сцены.

Дѣйствующія лица: деревья, гигантскіе цвѣты, грибы; актеры должны будутъ выставлять свои лица на цвѣтахъ, грибахъ, деревьяхъ такъ, какъ обыкновенно бываетъ въ иллюстраціяхъ сказокъ. Они будутъ пѣть, говорить, размахивать вѣтками, лепестками,—въ особенности даю красивый матеріалъ для постановки „шопота лѣса“ и „бури“.

Ходить будетъ только одинъ единственный человѣкъ: среди могучей красоты природы онъ будетъ маленькій и жалкій.

Вообще въ моихъ сказкахъ здорово достается человѣку. По замыслу, пьеса будетъ очень злая.

Я много злюся—это не хорошо.

* * *

Фактъ несомнѣнный—у меня оказался своеобразный литературный талантъ. Это признали, за него мнѣ хорошо платятъ.

Начинаю приходить въ себя, осваиваюсь со сказочной перемѣной моей жизни; отдыхаю, поправляю расшатанное здоровье.

Откуда-то вокругъ меня появились люди. Я ихъ спрашиваю: гдѣ они раньше были?

Одни въ отвѣтъ молчатъ, другіе лицемѣрятъ.

Только теперь понимаю вполнѣ смыслъ охватившей меня стихіи: мое прошлое, мои

переживанія толкали меня къ писательству; оно сидитъ въ моей натурѣ такъ же сильно, какъ и любовь къ сценѣ.

Эти два стремленія всегда боролись во мнѣ. Побѣдило писательство, захватило меня всю,—не знаю, на время, или совсѣмъ. Ну, да посмотримъ.

* * *

Я часто проклинала мою жизнь и только теперь вижу, какой драгоцѣнный для писателя матеріалъ прописанъ у меня буквально на бокахъ.

Только мнѣ надо серьезно заняться моими пробѣлами—кой въ чемъ я до смѣшного невѣжественна.

Иногда ловлю себя на страхѣ передъ случившейся въ моей жизни перемѣной.

Тогда инстинктивно тянусь къ небу, молю его:

— Не покидай меня! Помоги, чтобы у

меня не закружилась отъ успѣха голова; чтобы я смогла выдержать свалившійся на меня „талантъ“. Помоги, чтобы деньги не притупили сердца, не закрыли моихъ глазъ на то, что человѣкъ всегда долженъ видѣть.

Помоги, чтобы слава, поклоненіе другихъ не сдѣлали меня черствой, себялюбивой, подлой.

Помоги мнѣ, небо, съ талантомъ, славой, деньгами до конца моихъ дней быть человѣкомъ.

Дѣдушка, дѣдушка, ты видишь свою внучку!..

* * *

Итакъ для меня наступила новая полоса жизни. Писательство мнѣ дается очень легко; всякія матеріяльныя заботы, передряги совершенно отпадаютъ. Мнѣ даже какъ-то странно: сколько лѣтъ была рабомъ „куска хлѣба“ и вдругъ свободна, совершенно свободна.

Не могу освоиться съ этой огромной свободой, не знаю, какъ и чѣмъ наполню образовавшуюся пустуту,—чувствую, писательство ее не заполняетъ.

Сначала увлекалась бѣдняками, щедро открывала во всякое время имъ мой кошелекъ. Но тутъ наталкиваюсь на такія гнусныя вещи,—я не осуждаю обманывающихъ меня, кошелекъ мой для нихъ остался, а искренности, довѣрія, увлеченія нѣтъ.

* * *

Конечно, этого и надо было ожидать: меня захватила безумно, стихійно жажда личнаго, эгоистичнаго счастья. Я говорю:

Анна, это ты себѣ можешь теперь позволить.

Счастья! Счастья! Я хочу счастья большого, настоящаго,—я заслужила его.

Оно мнѣ рисуется въ видѣ бѣлокурой, непремѣнно бѣлокурой, дѣтской головки,

ножекъ въ крошечныхъ, башмачкахъ и веселаго, звонкаго, какъ колокольчикъ смѣха.

Это крошка будетъ говорить мнѣ: мать.

Боже мой, Боже мой, отъ этого слова я совершенно теряю голову.

Анна, Анна, ты опять начинаешь?

Молчать! Да, начинаю, въ сотый, милліонный разъ, начинаю. Довольно! столько лѣтъ я душила въ себѣ желаніе быть матерью,—о, мнѣ такъ хотѣлось имѣть дѣтку, мою, мою дѣтку! Хотѣлось, чтобы подлѣ меня жило, копошилось маленькое существо, а я его учила бы, какъ быть человѣкомъ.

Ну, да такъ и будетъ, будетъ, будетъ!

Теперь я обезпечена, могу позволить себѣ роскошь: имѣть дитя. Теперь я не одна, вокругъ меня, кажется, уже не враги, изъ нихъ я выберу самаго лучшаго, самаго человѣчнаго и...

Молчи, Анна, молчи: у тебя будетъ дитя!

* *
*

То, что со мной теперь происходитъ, нельзя разсказать нашимъ, такъ называемымъ, человѣческимъ языкомъ. Переживаю схватку не на жизнь, а на смерть...

И они воображаютъ, что я могу взять отъ нихъ дитя?

Ахъ, несчастные выродки!

* * *

Человѣка! Человѣка! мнѣ надо человѣка! Я не могу, никогда не возьму ребенка отъ звѣрей:

Какъ я страдаю.

Анна, не теряй времени; ищи, ищи свое счастье.

* * *

Я обезумѣла отъ поисковъ. Боже мой, я не могу найти отца для моего ребенка.

* * *

Беллетристика, беллетристика валится

мнѣ на голову, а человѣка, дѣйствительно человѣчнаго человѣка нѣтъ, какъ нѣтъ.

Я схожу съ ума: переѣзжаю изъ города въ городъ и ищу, ищу... Видѣлъ ли кто-нибудь такую сумасшедшую?

* * *

Люди, я проклинаю васъ за то, что среди васъ нѣтъ человѣка.

Торгаши проклятые, исковеркали, убили сердце, душу человѣка, самое лучшее, что у человѣка есть, все, все распродали.

Проклятые, отдайте человѣка! Мнѣ его надо, о, какъ я ненавижу васъ всѣхъ.

Мнѣ хочется каждому изъ васъ вцѣпиться въ глотку.

* * *

Нашла. Нашла.

Люди, простите. Я ненавидѣла васъ, а теперь благословляю: вы дали мнѣ человѣка.

Онъ есть! Онъ настоящій! Я нашла его, нашла!

* * *

Да, я нашла человѣка. И вотъ, что у меня съ нимъ произошло.

Ну, мои литературныя способности, выручайте, опишемъ все, какъ было. И гляди, Анна, ничего не пропускать, помни — все это пишется въ назиданіе потомству.

Ну, милые потомки людей, читайте же и учитесь, какъ надо иногда произносить монологи.

Въ понедѣльникъ 30-го ноября я позвонила вь квартиру молодого талантливаго, только что получившаго кафедру профессора Л.—при какомъ университетѣ не важно—главное, позвонила и рѣшительно вошла въ его кабинетъ.

Профессоръ отложилъ работу, привѣтливо поздоровался и сказалъ:

— Ваше лицо мнѣ знакомо, гдѣ я васъ видалъ?

Я отвѣтила.

— Меня интересуютъ ваши лекціи, я не пропускаю ни одной.

— Теперь припоминаю. Скажите, чѣмъ могу вамъ еще служить?

У меня похолодѣло сердце, какъ-будто я заглянула въ бездонную пропасть.

Но сейчасъ же взяла себя въ руки.

— Я пришла просить васъ удѣлить мнѣ вниманіе и время для серьезнаго, и для меня чрезвычайно нужнаго дѣла.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Я очень занятъ, не думаю, чтобы вы стали отнимать у меня время по пустякамъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я къ вашимъ услугамъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Вы очень добры, профессоръ. Такъ вы, правда, хотите выслушать меня?

Онъ улыбнулся своей удивительно милой улыбкой.

— Пожалуйста, и если чѣмъ могу быть полезенъ, охотно это сдѣлаю.

У меня захватило духъ.

— Благодарю, очень благодарю, профессоръ. Мнѣ многое надо вамъ сказать, многое...

— Я васъ слушаю.

Я крѣпко стиснула въ рукахъ носовой платокъ и начала мой удивительный, дикій монологъ.

— Прошу васъ, профессоръ, не возмущайтесь, не перебивайте, дайте сказать все до конца. Повѣрьте, большое, серьезное, нѣсколько необычайное толкнуло меня къ вамъ. Я дитя простыхъ людей. Жизнь моя протекала, какъ протекаетъ у милліоновъ необезпеченныхъ людей, словомъ въ постоянной борьбѣ за существованіе.

Когда я стала на ноги, вполнѣ сознательно всмотрѣлась въ нашу жизнь, меня удивило странное зрѣлище; я увидѣла, что у насъ много людей различныхъ профессій, ранговъ, положеній и состояній, но мало, совсѣмъ даже нѣтъ дѣйствительно человѣчныхъ людей.

Изъ того, что я видѣла, слышала, читала, у меня сложилось представленіе о томъ, какимъ долженъ быть человѣкъ,— къ ужасу моему я поняла, что окружающіе меня люди носятъ названіе людей по какому то недоразумѣнію.

Тутъ я не сдержалась, голосъ сорвался, лицо передернулось.

— Профессоръ, на меня напала мучительная тоска по человѣкѣ. И днемъ и ночью мнѣ мерещился благородный, смѣлый, искренній обликъ человѣка съ чуткой, доброй, человѣчной душой,

Мнѣ надо было такого человѣка, я зады-

халась отъ лжи, косности, подлости нашей жизни, примириться съ которой не могла.

Какъ безумная, я стала искать человѣка—полъ для меня былъ безразличенъ. Я точно переродилась. Всегда сдержанная, замкнутая я вдругъ отбросила всѣ лживыя условности нашей жизни, заговорила о томъ, что есть, и смѣло назвала вещи ихъ именами.

Боже мой, Боже, какъ стали таращить на меня глаза люди. И эпитеты: странная, эксцентричная, развратная, больная, крѣпко пристали къ моему имени.

А я металась, стонала, кричала о моей замученной одиночествомъ душѣ, о моей тоскѣ по человѣкѣ и... вызывала улыбки.

Въ нашемъ обществѣ меня не поняли, я оказалась человѣкомъ съ какой-то другой планеты...

Тутъ голосъ опять выдалъ мое волненіе.

Рука профессора дрогнула. Онъ тепло сказалъ.

— Вы много, дружокъ, страдали.

— О, да. Господи, какъ я искала человѣка. Къ кому только не стучалась,— тутъ были представители нашей, такъ называемой, передовой интеллигенціи, — но, профессоръ, въ нашемъ обществѣ я не нашла человѣчной души.

Онъ заволновался.

— Признаюсь, меня это удивляетъ. Условія нашей жизни, правда, порядочно людей калѣчатъ, но хорошіе люди есть. Я знаю многихъ.

Мои губы кривились, я чувствовала, вотъ, вотъ расплачусь.

— Я не хорошихъ людей искала, а настоящихъ. Меня не удовлетворяетъ, что на безлюдьи, какъ говорятъ, и Ѳома человѣкъ.

— Но, мой дружокъ...

Я не дала ему говорить.

— Нѣтъ, профессоръ, меня не устраиваютъ ссылки на исторію и прочія объяс-

ненія, почему человѣкъ теперь таковъ. Я говорю о страшномъ фактѣ: человѣка нѣтъ среди людей.

Онъ еще сдѣлалъ попытку защитить людей.

— Но человѣческая душа вещь очень тонкая, къ иной не подойдешь спроста— надо умѣть.

Услыхавъ это, я точно сорвалась съ цѣпи.

— Вотъ это самое я часто себѣ говорила. Я увѣряла себя, что проглядѣла, плохо искала, не умѣла подойти, какъ надо. Ищи серьезнѣй, ищи внимательнѣй.

Я стала искать еще серьезнѣй, еще внимательнѣй.

Мнѣ такъ хотѣлось найти человѣка, что часто я надѣляла людей тѣмъ, чего у нихъ не было. И все-таки результаты получились, самые дикіе, невѣроятные, нелѣпые.

Вы думаете, все это произошло потому

что я странная? Ахъ, профессоръ, если разобраться хорошенько, выйдетъ, что странная то тутъ была не я...

Я опять крѣпко сжала руки.

— Теперь я подошла къ главному. Къ моимъ поискамъ человѣка по мѣрѣ того, какъ я развивалась и крѣпла, стало прибавляться еще одно: мнѣ очень хотѣлось имѣть дитя.

Я была одинока, мнѣ хотѣлось отдать кому-нибудь мои силы, душу, жизнь. Мнѣ казалось, что я могла бы не только родить дитя, но, намыкавшись, понявъ нелѣпость нашей жизни и понятій, могла бы изъ него вырастить и воспитать дѣйствительно человѣка.

Господи, сколько калѣкъ, жалкихъ человѣческихъ выродковъ размножается въ нашемъ обществѣ! Мнѣ захотѣлось дать нашему обществу моего человѣка. Мнѣ казалось, что я даже обязана. Мнѣ казалось,

что каждая здоровая, сильная, сознательная женщина должна стремиться непремѣнно создать человѣка для того, чтобы дѣти здоровыхъ, сильныхъ, человѣчныхъ людей вытѣснили бы, въ концѣ концовъ, убогихъ выродковъ.

Но мое матеріальное положеніе стало на пути моихъ порывовъ къ материнству: на мужчинъ я не надѣялась, существующій у насъ бракъ, какъ сдѣлку, отвергала; родить дѣтей на муки нищеты не хотѣла, оставалось душить свое желаніе. что я и дѣлала на протяженіи многихъ лѣтъ.

Но вотъ жизнь моя круто измѣнилась. Я не нуждаюсь матеріально, и могу, наконецъ, позволить себѣ быть матерью.

Казалось, за этимъ не могло быть остановки. Какъ видите, я не уродлива, многіе считаютъ меня женщиной интересной и. должна сознаться, охотниковъ до моего тѣла вокругъ меня было слишкомъ даже много—

мнѣ оставалось выбрать изъ нихъ себѣ по душѣ.

Тутъ я натолкнулась на непредвидѣнное препятствіе: окружающіе меня мужчины не вызывали во мнѣ ни симпатіи, ни уваженія,—моднаго платья, красивыхъ усовъ и „галантерейнаго“ обхожденія для меня было слишкомъ мало. Я докапывалась, что у нихъ подъ этимъ было скрыто.

Боже мой, что я тамъ находила.

Какими маленькими, пошлыми, умственно и нравственно убогими оказывались эти выхоленные, изящные, пріятно пахнущіе мужчины.

Мысль, что такой мужчина можетъ меня оплодотворить, вызывала во мнѣ нравственное и физическое отвращеніе.

Нѣтъ, отъ этихъ жалкихъ подобій людей я никогда бы не взяла зародыша для моего человѣка.

Я стала искать мужчину, отъ котораго

мнѣ не противно было бы взять дитя. О, мои поиски мужчины-человѣка были не менѣе поучительны и краснорѣчивы, какъ и поиски человѣка вообще.

Я только удивляюсь женщинамъ, какъ онѣ могутъ довольствоваться такими мужчинами, какъ у нихъ не хватаетъ смѣлости или брезгливости ихъ забраковать.

Тутъ, профессоръ, я поняла, почему у насъ такъ мало людей. Казалось бы такъ просто: все живущее размножается—таковъ законъ природы: этотъ законъ не чуждъ и человѣку. Теперь посмотрите, какимъ невѣжествомъ, грязью, лицемѣріемъ окружили люди свой естественный законъ размноженія; сколько лжи, цинизма, гнусной пикантности связали они съ великимъ актомъ, дающимъ человѣку жизнь.

Развѣ большинство людей въ минуты созданія человѣка думаютъ, что они дѣлаютъ?

Нѣтъ, они находятся во власти взвинченныхъ, распущенныхъ, низкихъ инстинктовъ; они менѣе всего въ это время думаютъ о человѣкѣ, и надо ли удивляться, что плодами такихъ гадкихъ, скотскихъ, больныхъ сношеній являются не люди, а какіе то чудовищные выродки.

Такими выродками кишитъ все наше общество.

Посмотрите, профессоръ, звѣри, птицы, всякая несчастная козявка стараются въ своихъ дѣтяхъ развить инстинкты, присущіе ихъ породѣ. И только человѣкъ поступаетъ иначе, убиваетъ у своихъ дѣтей самое драгоцѣнное; дѣти человѣка похожи на всѣхъ звѣрей, ничтожныхъ тварей, и менѣе всего на человѣка.

Какая низость... Этого человѣку нельзя простить.

За такое отношеніе человѣкъ будетъ наказанъ; его потомство страшно человѣче-

ству отмстить. И оно уже мстить, только слѣпые да подлые этого не видятъ.

Покраснѣвшій отъ волненія профессоръ съ изумленіемъ всматривался въ меня; впервые, повидимому, пришлось ему слышать такую рѣчь изъ устъ женщины.

А я, не опуская глазъ, быстро выбрасывала слова моего сумасшедшаго монолога.

Мнѣ казалось, я читаю его мысли.

— Вы поражены, профессоръ? Можетъ, моя рѣчь коробитъ вашъ вкусъ, привыкшій къ изящной, эстетичной формѣ? Тогда простите. Я пришла къ вамъ съ такой болью, мнѣ такъ хочется отъ нея кричать. Мнѣ надоѣло кричать стѣнамъ, мнѣ хочется, чтобы меня услыхалъ живой человѣкъ. Простите, мнѣ сейчасъ не до формы. Я полна негодованія, я не могу людямъ простить ихъ лживой, подлой жизни и почти поголовной распущенности.

Все, все въ себѣ убили,—только пыш-

нымъ цвѣтомъ покрывая все, дурманя головы, калѣча душу, распространяя смрадъ, гниль, властвуетъ насъ ними низкая животная похоть.

По старымъ традиціямъ мы прикрываемъ ее красивыми словами поэзіи и негодуемъ, клеймимъ развратниками тѣхъ, кто хочетъ отдернуть передъ нами лживую завѣсу, обнажить вѣковую гниль, хочетъ намъ наше несчастье указать.

Когда люди захотятъ быть дѣйствительно людьми, они должны будутъ освободить себя отъ рабства похоти: любовь, которой у насъ прикрываютъ всякую гнусность, любовь, создающая проституцію, да фабрики усовершенствованныхъ презервативовъ — должна быть названа настоящимъ именемъ.

Для этого нужна борьба, нужны силы не выродковъ, а сильныхъ настоящихъ людей. Такіе люди должны быть, ихъ надо создать, безъ нихъ человѣчеству крышка

Теперь кругомъ кричатъ, что надо старое ломать, какъ никуда негодное. Да, и ломать все до человѣческой рѣчи включительно—довольно рабства рѣчи! Рѣчь человѣка должна быть свободна, какъ море, ясна, какъ солнце, правдива, искренна, проста, какъ сама природа.

Я разошлась... Много у меня накипѣло· и слова лились неудержимо.

На лицѣ профессора отражалась попеременно, то растерянность, то недоумѣніе.

А я, какъ вихрь, неслась дальше.

— Да, человѣческая рѣчь должна быть такой. Вотъ я попробую сейчасъ заговорить съ вами на такомъ языкѣ и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Изъ того, что я вамъ сказала о себѣ, вы видите, что я имѣю право считать себя до нѣкоторой степени человѣкомъ; мое нежеланіе имѣть дитя отъ выродка, мои поиски для этой цѣли мужчины-человѣка не должны

мнѣ кажется, вызвать у васъ дурного ко мнѣ чувства.

Я слишкомъ большое значеніе придаю *моему* человѣку, и для созданія его мнѣ нуженъ тоже непремѣнно человѣкъ.

Случай играетъ въ жизни большую роль. Я долго, тщетно искала человѣка во многихъ мѣстахъ, городахъ и вотъ совершенно неожиданно столкнулась съ нимъ здѣсь. Этотъ человѣкъ—вы.

Професоръ растерянно, сконфуженно поднялся.

Я смотрѣла прямо ему въ лицо.

— Вы должны, профессоръ, выслушать меня до конца, если ужъ начали слушать. Не пугайтесь и сядьте, вѣдь вамъ не грозитъ насиліе...

Совершенно машинально онъ сѣлъ. Онъ смотрѣлъ на меня, какъ смотрятъ на что-нибудь странное, необычайное, дикое. Смущеніе сковало ему языкъ.

А я еще энергичнѣй развивала свой монологъ.

— Да, я считаю васъ человѣкомъ! Я къ вамъ давно присматриваюсь, и все, все мнѣ говоритъ: я не ошиблась. Когда я васъ слушаю, я чувствую въ васъ искренность, смѣлость человѣческой души; когда я вижу ваше лицо, одушевленное прекраснымъ стремленіемъ передать слушателямъ все, что вы знаете, отдать, что имѣете, тогда я люблю, уважаю въ васъ человѣка.

Можетъ, я и вамъ покажусь странной, больной, но должна сознаться, я не могла остаться къ вамъ равнодушной, не могла не связать съ вами моихъ сокровеннѣйшихъ желаній. Не осуждайте меня, вѣдь вы для меня тотъ, кого я такъ давно ищу,— вы для меня человѣкъ.

И вотъ, сначала безсознательно, стала ко мнѣ закрадываться такая мысль: отъ этого человѣка я взяла-бы ребенка.

Я пришла, чтобы вамъ это сказать, объ этомъ васъ просить...

Вотъ вы и не выдерживаете моего простого, яснаго языка. Вы покраснѣли, поражены, а можетъ быть и больше; вамъ отъ моихъ словъ не по себѣ—подумайте, что должна была пережить и я, до какого отчаянія дойти, для того, чтобы такъ дѣйствовать, такъ говорить.

Профессоръ съ трудомъ процѣдилъ:

— Вы все сказали?

Меня точно толкнуло и я вскочила.

— Нѣтъ, еще не все, погодите... Вы можете отвѣтить, что меня не любите и безъ влеченія дать мнѣ ребенка не можете. Тогда я умоляю васъ, позвольте попытаться вамъ понравиться—для этого я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, покажу вамъ мою душу, все лучшее, что во мнѣ есть.—Покажу вамъ всю, всю себя, такъ какъ вамъ вѣрю, васъ уважаю, отдаться вамъ хочу.

Не краснѣйте, краска на вашемъ лицѣ— наслѣдіе предразсудковъ. Гоните ихъ, ломайте въ самомъ корнѣ, такъ какъ ваше чутье, ваша совѣсть должны подсказать, что предъ вами не развратница, не безстыдная самка, а смѣлый, искренній человѣкъ, силой воли и убѣжденій ставшій выше предразсудковъ.

Поймите, я многое должна была разломать, съ чѣмъ также считалась, должна была задушить въ себѣ самолюбіе, гордость, стыдъ, прежде чѣмъ прійти и просить у васъ ребенка, просить, какъ милостыни.

Вы можете сказать, что вы честный человѣкъ, вы женаты, и на законномъ основаніи рожденіе вашихъ дѣтей принадлежитъ исключительно вашей супругѣ. Вы ее любите, уважаете и совершать прелюбодѣяніе, измѣнять ей вы не можете.

Тогда я попрошу васъ разсказать вашей

женѣ все, что я вамъ сказала, и попросить ее разрѣшить вамъ, если я, конечно, вамъ симпатична, подѣлиться со мной тѣмъ, что вы имѣете.

Если ваша жена не пойметъ меня, если ея лицо искривится отъ негодованія и ревности, если она испугается за свое семейное благополучіе, если она станетъ отговаривать, удерживать,—знайте, у васъ недостойная васъ подруга.

Я знаю, вся ваша жизнь, воспитаніе, привычки и понятія должны возмутиться,—я вижу, возмущаются —противъ меня. Но вы поборите ихъ: я мое желаніе имѣть отъ васъ ребенка считаю настолько хорошимъ, чистымъ, что не хочу унижать его, прикрывать банальными словами, обставлять, какъ у насъ принято.

Я сказала вамъ все, что говоритъ мнѣ совѣсть и сердце.

Вотъ мой адресъ, пришлите вашу резо-

люцію, сейчасъ я не могу васъ выслушать, да и вы, навѣрное, не сможете мнѣ, какъ слѣдуетъ, отвѣтить.

Подумайте и также просто, искренно отвѣтьте.

Я положила на столъ свой адресъ и вышла...

* * *

Дальше, Анна, дальше. Ну, разскажи, что было дальше? Такъ надо, навѣрно, пригодится въ назиданіе потомству.

Молчи, проклятая!

* * *

Господа, слушайте, что было дальше.

Только я окончила мой замѣчательный монологъ и вышла въ переднюю, какъ изъ другой двери туда же вышла очень блѣдная, взволнованная дама.

Она сказала мнѣ порывисто:

— Не уходите, еще одну минуту не уходите.

Она схватила меня за руку, я чувствовала, какъ она вся дрожала, и рѣшительно повела обратно въ кабинетъ.

Тамъ она меня оставила и бросилась къ остолбенѣвшему отъ удивленія мужу.

— Борисъ, я не виновата! Она такъ громко говорила, ко мнѣ долетали слова... Я не могла удержаться... Я все подслушала... И вотъ что, вотъ что скажу...

Она обняла мужа за шею.

— Борисъ, ты знаешь, какъ я тебя люблю, дорожу твоей дружбой. И все-таки прошу тебя, искренно, отъ души прошу, если она симпатична тебѣ, не отталкивай ее, будетъ грѣшно. Борисъ, не отталкивай и дай ей то, что она у тебя проситъ.

Боже милосердный, какъ эта женщина была хороша. Подумайте, что должна она была пережить за дверью, что въ такой

короткій срокъ разломать. Какую пережить борьбу со своимъ эгоистическимъ чувствомъ къ любимому человѣку, прежде чѣмъ прійти и сказать: „не отталкивай, дай ей то, что она у тебя проситъ".

Я задыхалась отъ счастья и восторга, колѣни мои гнулись—мнѣ хотѣлось поклониться ей въ ноги.

Профессоръ вскочилъ, схватился руками за грудь, у него вырвался странный крикъ не то восторга, не то муки, и въ слѣдующее мгновенье онъ лежалъ на полу у ея ногъ и, потрясенный, плакалъ, какъ можетъ плакать человѣкъ только одинъ разъ въ жизни.

На лицѣ его жены появилась трогательная, материнская, божественная улыбка. Она взглянула на меня, и я почувствовала, что она также понимаетъ, что сразило, бросило къ ея ногамъ ея сильнаго, ученаго мужа.

Не говоря, мы понимали другъ друга

чувствовали, что у женщины есть сила, которой она можетъ примирить, объединить, склонить къ своимъ ногамъ весь міръ, и не какъ женщина, любовница, самка, а какъ смѣлый, искренній, благородный человѣкъ.

Мы протянули другъ другу руки, крѣпко обнялись, наши уста слились въ невыразимомъ, великомъ чувствѣ братской любви.

Правда, господа, красиво?

Ну, такъ знайте: это ложь, литературное творчество и только!

Отвѣтъ на мой монологъ былъ совсѣмъ другой... Это я съ отчаянія, разочарованія, злости придумала такой красивый конецъ. Мнѣ захотѣлось, если нѣтъ этого въ жизни, такъ пусть будетъ, какъ плодъ моей сумасшедшей фантазіи.

Пусть хоть на минуту, обманомъ я заставлю васъ почувствовать, на что можетъ быть способна душа истиннаго человѣка.

Если вы не почувствовали, значитъ, я плохой писатель—вотъ и все.

А человѣка все-таки нѣтъ.

* * *

Я вся во власти физіологіи: тридцатые годы, бурный темпераментъ дѣлаютъ свое дѣло, порабощаютъ волю, мутятъ разумъ... Бѣшено борюсь съ сидящей въ моей крови необузданной въ страстяхъ вакханкой-матерью и не менѣе разнузданнымъ отцомъ.

А бабушки, дѣдушки тоже вносятъ свою славную долю...

Никогда не думала, что мнѣ предстоитъ еще и это несчастье—какъ-то я изъ него выйду?

* * *

Проклятіе, до чего я дошла. Звѣрѣю, съ каждымъ днемъ звѣрѣю.

Какой позоръ, какая мука: я не могу видѣть мужчинъ...

Иногда я забываю все, теряю голову и тянусь къ нимъ—меня толкаетъ сильный выхоленный, животный половой инстинктъ.

Я презираю себя, но не могу совладать и тянусь, тянусь...

Потомъ бичую себя,—вотъ пытка.

Я проклинаю тѣхъ, кто далъ мнѣ это подлое наслѣдство.

* *
*

Звѣрь и человѣкъ борются во мнѣ страшно, отчаянно, на смерть.

Вчера была чудовищная схватка.

Я выходила изъ театра. Возбужденная толпа, тѣснясь, плыла къ выходу. Я оказалась сильно притиснутой въ толпѣ мужчинъ.

Это положеніе мнѣ вдругъ понравилось.

Я какъ-то особенно осмотрѣла находящіяся впереди меня спины.

Одна спина высокая, съ могучими плечами, сильная, точно стальная шея и

красивая голова, въ цилиндрѣ, сразу привлекли мои симпатіи.

Меня неудержимо потянуло къ ней.

Съ большимъ трудомъ, грубо толкаясь, я протиснулась къ ней—это было уже у самаго выхода, — толпа сильнѣе стиснула меня и я всѣмъ тѣломъ страстно, въ самозабвеніи прильнула къ плѣнившей меня спинѣ.

Моя страсть передалась... Мужчина вздрогнулъ и мгновенно отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же, дѣлая попытку повернуться и узнать, кто ему такъ отдается.

Но было очень тѣсно, ему не удалось повернуться; теченіе выбросило насъ на просторъ панели; свѣжій воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо—я опомнилась.

Мгновенно овладѣла собой, нагнула голову, стараясь получше подхватить въ руку платье, и спокойно, съ достоинствомъ пошла къ извозчику.

Онъ зорко осмотрѣлъ вышедшихъ со мной женщинъ, мнѣ показалось, онъ растерялся, не могъ рѣшить, кто.

Дѣлая усиліе не выдать себя, не оглянуться, я сѣла и поѣхала.

Вдругъ со мной поровнялся рысакъ, и голова въ цилиндрѣ дерзко заглянула мнѣ въ лицо. Сѣрые стальные глаза пронизали меня насквозь; ноздри орлинаго носа, съ хищными линіями увѣренно дрогнули, красивый чувственный ротъ выразительно процѣдилъ:

— Это вы.

Онъ узналъ меня инстинктомъ. Я собрала всѣ мои силы и спокойно, точно недоумѣвая, гордо посмотрѣла на него.

Онъ улыбнулся. Его улыбка говорила:

— Не обманешь, это ты, ты мнѣ отдавалась.

И вотъ началось что-то кошмарное. Онъ то перегонялъ меня, то ѣхалъ вплотную съ

моимъ извозчикомъ и при этомъ упорно, страстно, выразительно бросалъ мнѣ: не притворяйтесь, это вы!

Я терялась, задыхалась отъ бѣшенства, злилась, дѣлала нечеловѣческія усилія не выдать себя.

Онъ не отставалъ: онъ слишкомъ хорошо почуялъ во мнѣ изголодавшуюся, тоскующую по самцѣ самку.

Пріѣхали. Не оглядываясь, спокойно, иду къ подъѣзду. Звоню швейцару.

Вдругъ страстный молящій шопотъ:

— Я вашъ. Вы мнѣ безумно нравитесь. Не мучьте себя—я вашъ.

Щелкнула дверь подъѣзда. Онъ властно взялъ меня подъ руку и мы прошли въ открытую швейцаромъ дверь.

Его желѣзная рука придавила меня всю; въ немъ была сила, которой я не могла больше сопротивляться.

Пришли ко мнѣ. Онъ нѣжно, ловко по-

могъ мнѣ раздѣться. Мгновенно оріентировался въ моей квартирѣ и, не успѣла я оглянуться, какъ мы очутились въ спальной.

Я была одурманенная, какъ пьяная и покорялась ему безпрекословно.

Онъ раздѣлъ меня всю догола. И, восхищаясь моимъ тѣломъ, грубо, жадно цѣловалъ меня. Онъ говорилъ, что никто никогда не вызывали въ немъ такую бѣшеную страсть.

Вмѣстѣ съ поцѣлуями онъ оставлялъ на моемъ тѣлѣ кровяные слѣды зубовъ; онъ стоналъ, у него вырывались изъ горла клокочущіе, звѣриные звуки. Онъ зацѣловалъ меня всю. Онъ дошелъ до такого изступленія въ восхищеніи моему тѣлу, что меня всю передернуло. Что-то противное, скорѣй присущее низкимъ породамъ животныхъ было въ его изступленныхъ поцѣлуяхъ моего тѣла.

Я ужаснулась его порывамъ, потерявшимъ

все человѣческое. Мое сознаніе прорѣзала мысль.

— До чего ты дошла и довела этого несчастнаго человѣка? Опомнись, пока не поздно.

Я собрала всѣ мои силы, хитростью вырвалась изъ его объятій, бросилась въ слѣдующую комнату, заперла дверь и повалилась на полъ отъ отвращенія, ужаса, страсти.

Когда ко мнѣ вернулось сознаніе, я услышала изъ спальной мольбы, угрозы, что онъ выломаетъ дверь и возьметъ меня, безъ этого онъ не уйдетъ.

Меня снова охватила страсть, меня потянуло къ жаждавшему меня самцу; я хотѣла его всѣмъ моимъ тѣломъ.

Руки мои тянулись повернуть ключъ, впустить его. А человѣкъ во мнѣ также не дремалъ.

Я не могу, не могу передать, какую чудовищную борьбу пережила я.

Но человѣкъ бралъ верхъ. Изъ моего горла хрипло, рѣзко вырвалось:

— Уходите, уходите скорѣе, или будетъ несчастье. Если звѣрь, сидящій во мнѣ, одолѣетъ меня, если вы раздѣлите со мной мою низкую, животную страсть; если я паду рабой этой страсти — я не прощу этого ни себѣ, ни вамъ; я навѣрно убью себя, но и васъ не выпущу живымъ.

Бѣгите, бѣгите скорѣе! Звѣрь еще силенъ во мнѣ, я могу не одолѣть его, отопру дверь, и мы оба погибнемъ. Это я чувствую, это, навѣрно, будетъ. Спѣши уйти, пока я не повернула ключъ, спѣши, если тебѣ дорога жизнь.

Я была страшна въ моей борьбѣ со страстью. Онъ это чувствовалъ. Это его отрезвило. Онъ испугался, растерялся, спѣшилъ.

А я хрипѣла, выла, билась головой о полъ и тянулась къ ключу двери.

Я не выдержала, отворила ее — крикъ

животной радости вырвался изъ моей груди: онъ не успѣлъ уйти.

— Не ушелъ! Ты мой, мой. Теперь не выпущу, ты мой!

Звѣрь вырвался на волю; я была ужасна, отвратительна. Я чувствовала, если догоню его, вцѣплюсь, не выпущу, задушу его моей звѣриной страстью.

Онъ это чувствовалъ и бѣжалъ отъ меня. Я за нимъ.

Ему удалось во время выскочить. Дверь щелкнула, на лѣстницѣ гулко раздалися быстрые шаги.

У меня вырвался сильный крикъ, но въ немъ мало было животнаго: такъ могъ кричать только свободный человѣкъ.

Въ ту же минуту я упала у двери и безумно, изступленно искусала себѣ руки.

Боже мой, Боже мой, какой дьяволъ сидитъ во мнѣ.

* * *

Не могу себѣ простить пережитаго униженія, слабости, звѣрства. Я всю себя за это истерзала. Я презираю себя, какъ самую подлую, ничтожную тварь.

Боже мой, сможетъ ли человѣкъ когданибудь освободиться отъ рабства низкому, животному инстинкту?!

И день и ночь, каждую минуту содрогаюсь, стыжусь того, что пережила.

Кто можетъ поручиться, что завтра, увидя руки, ноги, глаза мужчины, я не одурѣю, инстинктъ не сломитъ волю, гордость, стыдъ, и я снова потянусь къ мужчинѣ, какъ животное, и онъ подойдетъ и возьметъ меня тоже такъ?

Какая мука, какой позоръ!

* * *

Было еще сраженіе до такой степени кошмарное, подлое, отвратительное, что не

хочу объ этомъ говорить; сказать—значитъ сейчасъ же убить себя.

Предпочитаю молчать — о, жалкое, трусливое созданье!

Молчи, Анна, молчи — вѣдь ты еще не побѣдила.

* * *

Теперь все кончено; звѣрь въ полномъ подчиненіи у человѣка.

Отказалась отъ счастья — надъ материнствомъ поставила крестъ.

* * *

Нехорошо мнѣ, одиноко; тоска смертная нависла надо мной.

Какъ туча тяжелая, свинцовая, зловредная хожу я по моей квартирѣ: ищу гдѣ и какъ разразиться.

Я измучилась, устала. Все для меня потеряло смыслъ и значеніе.

Всѣ вещи, люди, чувства представляются въ оголенномъ, натуральномъ видѣ.

Никакихъ иллюзій, скука, тоска, смерть.

Сегодня, напримѣръ, идетъ впервые моя пьеса — она интересна, поэтична, остра. Меня ждутъ апплодисменты, цвѣты, друзья.

А у меня морозъ подираетъ по кожѣ при мысли о первомъ, противно второе, а отъ третьихъ я крѣпко заперла мою дверь.

Меня не прельщаетъ эта шумиха, она мнѣ кажется мелкой, неумной, смѣшной комедіей.

Я не вижу въ ней для себя подходящей роли.

Я не могла бы какъ другіе, сдѣлать изъ моего писательства идола и имъ заслонить въ себѣ человѣка. Не могла бы отдать мою человѣческую личность въ рабство таланту. Не могла бы помириться, чтобы во мнѣ видѣли только талантъ, ради него все мнѣ прощали, не требуя отъ меня быть также и человѣкомъ.

Мой талантъ не больше, не меньше, какъ осколокъ моего человѣческаго я.

Мнѣ жалко тѣхъ, кто пресмыкается предъ этимъ своимъ осколкомъ, и требуетъ поклоненія отъ другихъ.

Иногда такое самопреклоненіе вызываетъ во мнѣ брезгливое чувство.

Мнѣ все представляется иначе. Я не могу и не хочу взять того, чѣмъ обыкновенно живутъ люди.

Анна, не пора ли тебѣ разбить себѣ голову?

* * *

Пора, конечно, пора. Мнѣ кажется, я преодолѣла самое страшное: убила въ себѣ звѣря; я сдѣлала все, чтобы быть человѣкомъ.

Но я одинока, невѣроятно одинока; мнѣ трудно, противно, надоѣло жить.

Да развѣ можно жить, видя постоянно вокругъ себя жалкія, страшныя, искáлѣченныя, звѣриныя рожи.

Довольно, господа люди, чуть-чуть не пріобщилась къ вашему стаду—довольно, сыта по горло!

Счастливо оставаться—намъ съ вами не по пути.

* * *

Подвожу счеты съ жизнью.

Инстинкты самосохраненія борются во мнѣ, требуютъ не спѣшить, провѣрить хорошенько.

* * *

Не чего провѣрять, все ясно, какъ божій день: я не могу, не хочу жить на той землѣ, гдѣ нѣтъ человѣка.

Пойду искать его въ другіе края.

* * *

Содрала съ оконъ занавѣси, пусть небо пошире заглядываетъ ко мнѣ, пусть оно, мой единственный другъ, напутствуетъ меня въ дальнюю дорогу.

Я уже готова, иду.

Прощай, земля, прощай, несчастная, поруганная мать. Ты плачешь, кажется, ты плачешь. Плачь, терпи, терпи и плачь—таковъ ужъ твой удѣлъ.

А если гнѣвъ вспипитъ, терпѣнье потеряешь, раздайся и смети всѣхъ прочь—пусть не позорятъ небо.

Прощай, природа, тебя связалъ, опуталъ, изнасиловалъ человѣкъ-звѣрь.

А ты... ты не прощаешь, мстишь...

О, какъ ты меня за нихъ жестоко наказала! Я вся избитая, но не мирюсь, прощай.

Прощай, небо, прощайте, звѣздочки, забыла я, давно не замѣчаю васъ. Глаза мои опять смотрѣли только въ землю, я вся склонялася предъ ужасомъ, нелѣпостью людей.

О, какъ прекрасно небо! Сколько въ немъ нѣжности, ласки, любви. А звѣздочки! Какъ вы трепещите, какъ радостно горите.

Что вы сказали мнѣ: „жить можно?"

Нѣтъ, милыя, нельзя, не стоитъ, стыдно.

Вы мнѣ кричите „надо?" Вы упрекаете, что я бѣгу трусливо, что кромѣ ужаса, нелѣпости въ жизни людей еще не мало есть...

Чего, чего скажите?

* * *

Всю ночь простояла на колѣняхъ, слушая небо. Потомъ свалилась и плакала, какъ можетъ плакать пойманный въ подлости человѣкъ еще не потерявшій совѣсть.

Небо, какъ пристыдило ты меня! Я вся потрясена, сломана, разбита.

Люди, я васъ ругала, била, проклинала, а сама... я была не лучше васъ.

Это мнѣ сказало небо, а, можетъ, моя натура, а можетъ крикнулъ во мнѣ убиваемый мной человѣкъ.

Нѣтъ словъ, которыми я могла бы раз-

сказать все, что пережила за эту ночь — но я найду, найду эти слова.

Теперь скажу, что помню, понимаю. Небо сказало мнѣ, что я забыла Бога, погрязла вся въ гордынѣ, эгоизмѣ.

Звѣздочки кричали: да!

Небо спросило: что сдѣлала ты для того, чтобы на землѣ стало ужаса меньше? Какую каплю ты отъ себя внесла?

— Каплю, о небо, тамъ капли мало.

— Молчи, несчастная, кричали звѣзды. Въ капляхъ искреннихъ, безкорыстныхъ капляхъ—все счастье, все спасеніе людей.

Въ эту минуту ноги мои невольно подкосились; капли такой я людямъ не дала. Я только жалобно пищала, забывъ, что на землѣ не я одна страдаю; ругалась, плевалась и дралась.

Хотѣла счастья для себя, и ради этого искала человѣка; гордилась и осуждала всѣхъ.

Небо кричало мнѣ:

— Кайся скорѣй, въ этомъ твое спасеніе. Смиреніемъ, любовью безкорыстной скорѣй стремись заполнить сердца пустоту. Зачѣмъ искала человѣка ты? Будь имъ сама. Иди къ несчастнымъ, падшимъ, озвѣрѣлымъ людямъ и покажи: дай имъ собою человѣка, въ душѣ котораго не умеръ богъ, пусть видятъ!

— Зачѣмъ хотѣла ты родить дитя? Смири гордыню, пойди ты къ выродкамъ людей, отдай имъ твое сердце, любовь, заботы матери. Учи ихъ доброму, учи быть человѣкомъ. Ихъ окружаетъ тьма, ты покажи имъ небо, звѣзды и искру Бога раздуй въ ихъ темныхъ маленькихъ сердцахъ. Смири гордыню, помни: Богъ въ каждомъ есть. Его надо умѣть найти.

Вотъ это мнѣ сказало небо, а, можетъ, я сама.

* * *

Пережила послѣдній, кажется, самый послѣдній переломъ. Пересмотрѣла, или вѣрнѣй, снова пережила всю свою жизнь, и вижу все, чего не замѣчала раньше.

Мнѣ кажется, я вдвое постарѣла, на лицѣ легли глубокія морщины скорби, глаза ввалилися, я чуть не каждый часъ сѣдѣю больше и все больше.

Только теперь я выхожу на настоящую дорогу, только теперь узнала я, какъ надо жить.

Люди, я передъ вами виновата: не показала вамъ себя, не доказала, что среди васъ не умеръ человѣкъ.

Теперь я къ вамъ иду иначе. Мой эгоизмъ смиренъ, въ душѣ нѣтъ пустоты—въ ней теплится, горитъ святая искра Бога. Я васъ люблю, дѣтей вашихъ жалѣю—я мукой, отреченіемъ нашла эту любовь.

Я вся полна добра, горю учить васъ правдѣ, и руки мои тянутся, какъ братьевъ, васъ обнять.

Я вѣрю въ человѣка, я покажу, я научу васъ, какъ надо человѣкомъ быть.

И я сильна — знаю, вы встрѣтите меня лукаво, съ враждой, съ каменьями въ рукахъ: я не боюсь. Я очень терпѣлива. Я все снесу. Я все отдамъ. Я смѣло разорву себя и кровью напишу въ вашихъ сердцахъ весь смыслъ, всю красоту, величіе и вѣру человѣка.

Надежда Санжарь.

*

Русскій отдѣлъ Соц. Партіи No. 2
г. Бостона
Russian Branch
Socialist Party
No. 2

3 2044 048 074 124

Русскій отдѣлъ Соц. Партіи
г. Бостона